

Дмитрий Грунюшкин

За порогом боли

Дмитрий Грунюшкин

За порогом боли

«Автор»

1996

Груньюшкин Д. С.

За порогом боли / Д. С. Груньюшкин — «Автор», 1996

© Груньюшкин Д. С., 1996

© Автор, 1996

Содержание

ЗА ПОРОГОМ БОЛИ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дмитрий ГРУНЮШКИН

ЗА ПОРОГОМ БОЛИ

Холодный дождь второй половины августа монотонно шумел, расслабляя и навевая дрему. Он постепенно наполнял большие лужи, не образуя ручейков – так всегда бывает в преддверии осени. Холодно, сыро, темно...

Здесь, на первом этаже стройки, было еще темнее и холоднее. Влажные кирпичные стены дышали подвальной промозглой стынью. Дождевые струи, влетающие в разбитые окна, оседали на цементной пыли.

Человек, стоявший напротив входа, в глубине комнаты, не обращал на гадкую погоду никакого внимания. Он, казалось, вообще, ни на что не обращал внимания. Черный плащ скрывал очертания его фигуры, делая почти невидимым в темном проеме двери, но даже под плащом угадывались широкие плечи, сейчас немного опущенные, как от жуткой усталости. Тот, кто видит в темноте, как кошка, разглядел бы его суровое, но совсем молодое лицо, на котором невзгоды оставили свои борозды в виде морщин, жестких складок и шрамов. Тусклый взгляд был безжизненным.

Человек стоял не шевелясь. У него уже не было сил что-то делать. Он очень устал. Он просто стоял и ждал. Ждал смерти...

* * *

Тяжелое темно-синее небо, как огромная маскировочная сеть с черными камуфляжными пятнами облаков, накрывает и давит горящий глазами-окнами город. Густое небо ближе к горизонту светлеет, переходя в грязно-изумрудную зелень и, неожиданно, заканчивается задымленной сиреневой полосой, ниже которой лишь безглазые черные контуры каких-то корпусов, осыпанные пятнами света, сползающего с уличных фонарей. К стремительно несущимся клоунам облаков примешивается серый дым, вырывающийся из сопел заводских труб. На город всей своей мрачной громадой наваливается тревожная ночь.

Пустынная трасса под окнами отдыхает от тяжести грузовиков, устало перекачивая по своему хребту мусор, обрывки газет и городскую пыль...

Сгусток звука, вырвавшийся из недалекого убежища, щелкнул по стеклу, рассыпался звон и сформировался в сознании в близкий пистолетный выстрел.

Ленкин голос приполз откуда-то издалека, мягко раздвигая преграды мыслей:

– Отойди от окна.

Страхнув оцепенение, Макс отступил назад, задернул штору на окне и выключил в сознании только что виденную картину. Профессиональная журналистская привычка, отточенная упорными тренировками воли, превратила его в своеобразный телевизор, переключающийся с программы на программу по желанию хозяина.

Диплом журналиста Макс получил совсем недавно. Его джинсы еще хранили на известных местах потертости от студенческой скамьи. Но работать в этой области он начал прямо с первого курса университета. Репортерил в самых разных газетах, от официальных до настенных, а также на укладывающихся в этот же диапазон радио и телестудиях. Свой стиль, свой взгляд, свои методы. Короче, сам себя он считал профессионалом. И не он один.

– Так кем же был Христос? Сыном еврейки или сыном Божиим? По еврейским законам национальность передается от матери к сыну, но применимо ли это к тому, чьим отцом был Бог?!

Голос Женьки-Джона обладал способностью нагонять сон, но как только собеседник начинал засыпать, тот же голос срабатывал как будильник. Сейчас его звуки окончательно вернули Макса из мира воображения в тускло освещенную слабой лампочкой комнату.

Продолжать разговор не было никакого желания, к тому же постоянная озабоченность Джона еврейским вопросом уже порядком поднадоела, потому что Джон пускался в витиеватые рассуждения исключительно в расчете на благодарного слушателя, не желая и не воспринимая никаких доводов ни за, ни против. Тема была стара, благодарным слушателем Макс не был, поэтому ответ прозвучал вполне резонно:

– Может, спать ляжем? Завтра всем на работу.

Не дожидаясь реакции, Макс сдернул покрывало со старенького дивана, служившего ему кроватью.

Ленка послушно отложила картинистый журнал в сторону и поплелась в ванную. В ответ на наивное желание умыться после двадцати трех часов, кран харкнул ржавой слюной и затрясся, примешивая к утробному рычанию злобный змеиный свист, вырывающийся из глотки пустых водопроводных труб-питонов. Ленка подождала несколько секунд, рассчитывая на чудо, но тут раздались удары по трубе чем-то железным. Ленка пожала плечами, завернула кран и вернулась в комнату. Джон еще пытался поразмышлять, но Макс решительно согнал его с тумбочки:

– Все, отбой, еретик!

– Смерть стоит того, что бы жить, – процитировал Джон и философски добавил. – А ночь стоит того, что бы спать. Хорошо, я удаляюсь. Не буду мешать – ваше дело молодое. Приятного времяпрепровождения!

Дверь закрылась, но еще долго слышалось сопение Джона, вытаскивавшего раскладушку с антресолей и раскладывающего ее в ванной комнате. Почему-то ему нравилось спать именно там, а не на кухне.

Макс расстелил простыню, швырнул две подушки – себе ватную, с кулак величиной, а Ленке обычную. Потом лег и отвернулся к стене. Ленка вытащила деревенское лоскутковое одеяло и аккуратно накрыла Макса. Сбросила шелковый японский халат, привезенный Максом из Ташкента еще во времена перестройки. Когда Ленка легла, Макс уже спал и сопел, как ребенок. Или делал вид, что спал. Она провела рукой по его плечам и спине, поцеловала в шею. Не дождавшись реакции, спокойно отвернулась и, пошарив рукой, щелкнула выключателем. Все было спокойно. Все было как всегда.

Толпа вибрировала, раскаляясь все больше и больше. Она гигантской губкой впитывала эмоции и разбухала, наливаясь желчью людской злобы. Толпа сатанела от безвыходной скопленности энергии со знаком минус, которая сконденсировалась до того предела, когда ни физик, ни политик, ни пророк не могут поменять ее знак. Толпа пузырилась хрипящей силой взбешенного стада и брызгала горячей ненавистью ко всему живому и неживому. Невозможно угадать, на чем сфокусируется эта ненависть – на не вовремя подошедшем человеке или на витрине ближайшего магазина. Толпа не подчиняется ни одному земному закону. Она подчиняется только закону Толпы. Этот закон вступает в силу в тот неуловимый момент, когда скопление случайных людей сливается в единый организм, живущий, подобно муравейнику, коллективным... нет, не разумом – инстинктом, коллективной страстью...

Выбрав профессию журналиста, Макс посвятил себя служению Толпе, но больше всего на свете он не любил именно Толпу, презирал ее и боялся. Согласно его теории толпа испускала биоволны во всех мыслимых диапазонах, и чтобы противостоять натиску воздействия массового безумия, нужно было обладать чем-то особенным. Этим «особенным» Макс не обладал, поэтому, приближаясь к толпе, он чувствовал волнение, переходящее в экстаз, если он вливался в этот организм. Толпа его поглощала и подчиняла. Он еще мог найти в себе силы

не подойти, но если он попадал в чрево этой многоклеточной массы, то растворялся в ней. Остатки разума фиксировали происходящее, оценивали, взвешивали, но команды к действиям подавало что-то другое. Он сохранял в толпе чистым рассудок, но не мог собой повелевать, а больше всего Макс оберегал свою индивидуальность, и ценил в себе способность мыслить, решать и действовать самостоятельно.

Зато Джон на толпу абсолютно не реагировал. Этим самым «особенным» он обладал в полной мере. Джон был полностью обращен в себя. Он любил себя, любовался собой, своим миром. Он вслушивался в свои чувства и мысли и все остальное, в том числе и толпу, воспринимал лишь как толчок к работе своих мозгов.

– По какому вопросу собрались? – вслух подумал Макс, останавливаясь в сотне метров от кипящей людской массы и намереваясь понаблюдать.

– Автобуса ждут, – пояснил Джон.

– С каких это пор автобусные остановки стали местом проведения демонстраций?

– «Двадцатку» отменили. Бензина, говорят, не хватает. Теперь нужно ездить на «пятнадцатом».

– Не дурно. До туда полчаса топать!

– Вот они и выражают свое недовольство. Многие из них полетят с работы за опоздание.

– Сейчас митинг будет, – решил Макс.

Действительно, на решетку остановки забрался человек лет тридцати с «копейками» в не очень модном «вареном» костюме и с мегафоном в руке.

– В кустах случайно оказался рояль, то бишь «матюгальник», – оценил ситуацию Джон.

– Сколько еще терпеть?! – взорвался речью оратор, – терпение народа не безразмерно, как колготки. Господа начальники играют с огнем! Народ на грани восстания!

– Парниша не прав. Автопарк города уже год, как частный. Начальники ни при чем, – весьма трезво продолжал комментировать Джон. – А насчет восстания – старая песня. «Шишки» сдали партбилеты и перешли в «господа». Сейчас там теплее. Большевиков изъяли из центра мишени народного гнева, а им, похоже, снова туда хочется. Вот идиоты!

«Народный трибун», тем временем, продолжал:

– Пора браться за оружие! Пора крушить новую порочную систему!

– «Систему» не трожь! – отозвался из стоящей поодаль группы пасмурных хипов патлатый верзила в драных «варенках» и со спускающейся на грудь цепью, по размерам напоминающей якорную.

Температура толпы приближалась к критической точке. Вдруг, над биомассой сигнальной ракетой взмыл крик:

– Автобус!

Из-за поворота вырулил потрепанный «Икарус». Автобус шел пустым и, явно, не собирався заезжать на остановку. «Частник какой-то», – подумал Макс.

– Вот он, сволочь! – заорал кто-то из собравшихся.

Наперерез автобусу метнулись несколько мужиков и вслед за ними все остальные кинулись перегораживать порогу. В этот момент толпа была страшнее волчьей стаи. В том, что еще полчаса назад называлось человеческим мозгом, не осталось ничего, даже волчьего инстинкта пропитания. Только импульс, подобный импульсу в ракетной боеголовке – сигнал к разрушению.

– Надо ноги делать, – напрягшись, предложил Джон. – Сейчас ОМОН пришлют.

– ОМОНа не будет. Вся милиция и даже пожарники на вокзале. Они...

Макс не договорил. Происходящее своей кошмарностью выдавило все оставшиеся в голове мысли. Мозг работал только на прием, вжигая в клетки нестираемую информацию, которая еще долго будет воспроизводиться в ночных припадках страшных снов.

Водитель «Икаруса» почувствовал опасность и привстал, вглядываясь в действия людей. Автобус проезжал в нескольких метрах от Макса и Джона, когда догадка полыхнула в сознании шофера. Лицо исказила гримаса отчаяния, пальцы до хруста впились в руль. Водитель истерично рванул баранку влево, наваливаясь на нее всем телом, как бы, помогая машине развернуться, и, одновременно, надавил педаль газа до упора. Тяжелый автобус, шедший с уже приличной скоростью, надсадно взревел, выдыхая клубы черного дыма, накренился, почти задевая неровный асфальт. Автобус едва вписывался в узкую улицу, но в этот момент брошенный кем-то камень вскользь ударил в лобовое стекло. Водитель отшатнулся, руки на руле дрогнули, и автобус врезался правой фарой в столб. Машина продолжала поступательное движение, сминая обшивку. Брызнуло разбитое стекло. Удар вырвал водителя из кресла и бросил грудью на руль. Автобус, как раненое животное, взревел от боли, вздрогнул несколько раз, пытаясь справиться с преградой, и затих. Но его муки не кончились – озверевшие люди добивали беззащитную машину камнями. Двое, оттолкнув дверь, ворвались в салон и метнулись к водителю. Через минуту они извлекли его наружу и швырнули в толпу. Макс, до сих пор каменно стоявший, поднял фотоаппарат.

– Сдурел?! – рявкнул Джон.

Но Макса уже не надо было приводить в себя. Отвращение и страх вывели его из оцепенения. Какой-то «Жигуленок» рванул с проезжей части на газон, пытаясь объехать Макса и Джона. Отработанным Движением, которому его обучил знакомый каскадер, Макс прыгнул на капот и распластался на стекле. «Жигуль» остановился, но водитель, уставившись на Макса диким взглядом, не вышел:

– Бегом! – крикнул Макс, хотя Джон уже влетал в салон.

Макс спрыгнул с капота и вскинул фотоаппарат движением, каким вскидывают автомат, одновременно сдергивая предохранитель.

Автоматическая камера успела снять с десятков кадров, когда нервы Джона не выдержали, и он дернул за куртку слишком рискованного «фотоохотника», затаскивая его в машину. Макс ударился затылком о крышу и локтем об дверь. Через секунду автомобиль уже летел по дороге. Еще через минуту водитель нашел в себе силы и спросил:

– Куда едем?

– На вокзал, – ответил Макс, потирая свежую шишку на затылке. Джон молчал, сосредоточенно глядя в окно.

Водитель высадил парней метров за триста-четырееста до вокзала. Дальше проехать было нельзя – проезжую часть перегораживали два тяжелых тягача.

– Время пока есть. Пойдем с массами потолкуем, – решил Макс.

Они двинулись к тротуару, намереваясь пройти на привокзальную площадь. Но не тут то было. Сразу за тягачами стояла двойная шеренга блюстителей порядка, упакованных, как на случай войны – каски, щиты, противогазы, укороченные автоматы. Короче, полный комплект. Лейтенант, прогуливавшийся перед шеренгой, направился к смельчакам.

– Кто такие? Документы?

Макс сунул редакционное удостоверение.

Лейтенант равнодушно уставился на фотографию, расплющивая мощными ковбойскими челюстями жевательную резинку. Казалось, что он пережевывает поступающую в емкость под беретом информацию. После довольно продолжительного молчания лейтенант вернул «корочки» и произнес:

– Ну и что?

– Не понял, – изумился Макс.

– Вы хотите на вокзал?

– Очень хочу!

– Цель?

– Покупка жевательной резинки у лиц неопределенной национальности с целью укрепления зубов, – не очень удачно съязвил Джон.

– Почему вдвоем? – бесстрастно продолжил ОМОНовец.

– А мы просто любим друг друга, – снова не удержался Джон.

– Почему именно сегодня?

– А какое ваше дело? – Макс уже начал сердиться.

– До обеда район закрыт, – поставил точку лейтенант и пошел назад.

– Эй, лейтенант, ты что, издеваешься? – гаркнул Макс, – В газету хочешь попасть?

Реплика осталась без ответа.

– Козел! Обезьяна с пистолетом!

Лейтенанта как будто ткнули раскаленной кочергой.

– Что-о-о?!

Макс отвернулся и пошел.

– Стой!!

Стук ботинок за спиной.

– Ноги!!! – скомандовал Джон, – Встречаемся у аптеки.

...Быстрее! Быстрее! Черт, споткнулся, едва не упал... Щербатый угол дома.

Захватился рукой, уменьшая радиус поворота. За кем? Сзади стук тяжелых ботинок, злой вскрик, звук падения тела. Ага! Грохнулся!

– Стой, скотина! Стрелять буду!

Пальни, дружок, если сможешь. Железный бордюр. Вперед, не преграда. Мокрые ветки сирени хлещут по лицу, забрасывая, ранним цветом. А-а, твою мать! Нога проехала по жидкой грязи, едва не уронив хозяина ног. Опять бордюр. Асфальтовая дорожка метров сто пятьдесят между двумя заборами. Быстрей! Быстрей! Вспомни молодость!

Холодный воздух, обдирая горло, стальным клинком влетает в прокуренные легкие. Курить брошу! Бегать начну по утрам! Хруст веток сзади. Метров сто десять уже пробежал.

– Стой, кому говорю. Стреляю!

Забор кончается. Вираж! Ай-ай! По инерции – вперед, хотя надо бы вправо. Вместе не получается. Упал таки. Камеру! Камеру держать! В гробу такие... Встать!! Бегом! Колодец двора. Слева – сараи, справа – подвал. Нет, в подъезд! Дверь без ручки, заплеванные ступени.

Один этаж, второй, третий. Стоять. Дальше тихонько, чтобы через окна не засек. Слава богу, чердак открыт. Если дверь хлопнет – сразу туда. Горло кашель дерет. Тихо, идиот! Давись, но молчи! Фонтан противных слюней. Не плевать – открыть рот и пусть текут. Сколько времени прошло? Минута? Две? Посидим, подышим... Соску-сигарету в зубы. Вроде, клялся бросить курить? Да ладно, я хозяин своему слову – сам давал, сам и забрал. Дым в глаза лезет. Ух, вроде, убежал. Минут десять посидеть, и к аптеке...

Джон уже околачивался у закрытых дверей.

– Ну, что? Ушел?

– Нет, уже срок мотаю.

– Что предпримем?

– Пошли «огородами».

– Как скажешь.

По дороге:

– Слушай, Макс. А что мы там забыли? Вообще, в чем дело? По какому поводу здесь «волков» наставили?

– Вряд ли я смогу сказать тебе точно, но попробую. В общем... Ты слышал когда-нибудь о, так называемой, группе «Сержанта»?

– Да так, краем уха.

– Есть такие у нас в городе. В основном бывшие «афганцы». Они здорово укрепились и держат в кулаке всю местную «братву».

– Кого?

Макс ухмыльнулся, поражаясь, в очередной раз, тому, что Джон мог не знать таких общеизвестных терминов.

– Рэкетменов, бандитов и тому подобных.

– Ну и?..

– Сегодня, по агентурным данным, у них возле вокзала будет разборка с кем-то из жуликов.

– И поэтому вокруг оцепление? – Джон скептически пожал плечами.

– Нет, конечно. Оцепление потому, что сейчас будет митинг «красных». Они на привокзальной площади сегодня кучкуются. Все-таки 1-е мая. Им любой повод подойдет, лишь бы флагами помахать. А милиция, с некоторых пор, стала их недолюбливать. Видимо, за чрезмерную активность. Как раньше демократов.

– А откуда дровишки? Сам собрал? Про разборку-то...

– Должен бы сам, но в этот раз кто-то шефа проинформировал.

– Сам бы и сходил.

– Он ходит на разборки только в наш местный «Белый дом».

Через парадное парни зашли в подъезд дома, примыкающего к вокзалу. Прежде, чем выйти через черный ход, выглянули в окно во двор. Так и есть, стоят «свистки». Ну и простота! Поднялись на пять этажей, через выдранный с корнем люк забрались на чердак, прошли до последнего подъезда, спустились вниз. А теперь рывком через двор! Сзади крики, свист, топот ног. Завернули за угол дома и – вот она, толпа!

Сборище было весьма разношерстным. На первый взгляд, без какой-то системы. Старики, правда, составляли большинство, но были люди помоложе, лет тридцати-сорока. Была, даже, молодежь, явно из числа «штурмовиков». Так уж повелось, что «красные», по славной традиции, не брезговали беспорядками и, случалось, даже бивали милицию. Правда, им, обычно, тут же это возвращалось сторицей, но факт есть факт – бивали.

Красные флаги, даже бархатные знамена, вились на слабом ветру. Благо, со времени «красного» режима лет прошло еще не так много и этого добра пока хватало. Макс почувствовал, что возбужденная толпа начинает его заводить, и решил поскорее заняться делом. Он осмотрелся и потянул Джона за рукав:

– Обрати внимание... – Макс кивнул на стоящую поодаль группу молодых парней.

Ребята, действительно, отличались от демонстрантов. Человек пятнадцать. Все коротко стриженные, плечистые, стоят спокойно, лишь изредка перебрасываясь короткими замечаниями. У всех какое-то похожее выражение лица: глаза со снайперским прищуром, жесткие складки у рта, поджатые губы, во взглядах ощущается стальная уверенность и готовность к действиям, тела – натянутые пружины. Почти у всех в деталях туалета было что-то армейское: у кого десантные ботинки, у кого солдатский ремень со звездой, камуфлированные куртки, у многих выглядывали «тельники». Большинство парней держали в руках спортивные сумки. Было видно, что они весьма недовольны своими шумными «красными» соседями.

– Колоритные мужички, – заметил Джон.

– Похоже, это и есть группа «Сержанта».

А события на привокзальной площади, тем временем, начали принимать дурной оборот. Макс отвлекся от «афганцев» и полез за фотоаппаратом.

Распаленные ораторами «ленинцы» и «сталинисты» обратили свою ненависть на милицейское оцепление. Сначала в ход шли оскорбления, но вот какой-то несдержанный милиционер взмахнул дубинкой и тут же, получив удар тяжелым древком флага, упал на колени. Его товарищи бросились его защищать, усиленно работая резиновыми «демократизаторами».

Какой-то старичок получил удар по голове и театрально рухнул на асфальт. Раздались возмущенные крики. И тут случилось неожиданное и страшное.

Впрочем, неожиданным это было только для милиции и прессы, потому что «красные», видимо, были готовы к такому развитию событий. Когда в милицейские ряды полетели первые бутылки с зажигательной смесью, и цепь охранения дружно отошла назад, заглушая вопли обожженных милиционеров взрвали мощные динамики, и с крыши ближайшего дома ударил «Интернационал»! «Это есть наш последний и решительный бой!» «Толпа» очень организованно расступилась, и из ее чрева вылетели несколько десятков «гвардейцев» с железными прутами. Оцепление в несколько секунд было снято и «красные» рванулись в город, куда, в общем-то, и стремились с самого начала. Мэрия запретила демонстрацию, вполне резонно опасаясь за коммерческие лавки, а для «красных» это был лишний повод подстегнуть свою ненависть к новому порядку.

Вслед за «гвардией» в прорыв двинулись и ветераны. Но, вдруг, стало оглушающе тихо. И в этой ошарашенной тишине Макс и Джон слышали, как где-то недалеко, метрах в ста, родился рвущий душу звук, как будто одновременно ударили в сотню барабанов. Ударили и остановились. А через секунду снова: «Д-Р-РУМ!»

Удары повторялись с ужасающей точностью какого-то страшного огромного метронома. И они приближались. Из-за голов людей Макс ничего не мог рассмотреть. Он отбежал подальше в сторону и заворожено замер.

Прямо на толпу, заполнив улицу от дома до дома, будто отряды крестоносцев, надвигались шеренги ОМОНа. Они наступали медленно, каждый шаг отмечая ударом дубинки в прозрачный щит.

«Д-Р-Р-У-ММ!»— сотня дубинок одновременно расплющилась о плексиглас, сверкающий на солнце.

«Д-Р-Р-У-ММ!»— шеренги приблизились еще на один шаг. Белые шлемы с забралами, серые бронежилеты – безликие терминаторы. Их методичная поступь наводила ужас. Дробный грохот бил по нервам и неотвратимость, с которой они приближались, убивала надежду на спасение. Было что-то гипнотическое в этом мерном стуке, что-то такое, что парализовывало волю и лишало сил не то что наступать, а даже спастись бегством.

И, вдруг, подчиняясь неслышной команде, ОМОНовцы одновременно выкрикнули что-то в оцепеневшую толпу. «Х-Х-А-А!»— в сотню мощных глоток. Звуковая волна метнулась между домов и резанула по обнаженным нервам.

И закаленные ветераны политических схваток и уличных боев дрогнули.

Толпа отхлынула назад, оставив на асфальте тела трех растерзанных милиционеров из оцепления.

«Красные штурмовики» предприняли отчаянно-безумную попытку и бросились к щитам, но в этот раз они столкнулись с рукой режиссера, который был более талантлив, чем тот, что ставил их спектакль.

Щиты одновременно повернулись ребром, и из образовавшихся промежутков грянули выстрелы. Пластиковые пули с расстояния в тридцать метров действовали с ужасным эффектом. «Штурмовики» были отброшены назад, многие из них остались лежать на земле.

Медленно двигавшийся позади ОМОНовцев БТР взорвался криком сирены, и демонстранты просто бросились бежать. ОМОН ускорил шаг, ни на сантиметр не разорвав четкой линии шеренг. А на другом конце площади бегущих уже ждали. Все слилось в жуткой какофонии побоища: крики, вопли, визг, вой сирены, грохот дубинок о щиты, выстрелы. Из задних рядов ОМОНа в толпу полетели гранаты с «Черемухой». А когда первые шеренги блюстителей порядка вошли в соприкосновение с демонстрантами, Макс захотелось отвернуться...

Сквозь весь этот дикий шум Макс едва слышал треск выстрелов во дворах ближних домов, сразу же вспомнив, зачем он сюда пришел. И – о, черт! – «афганцев» и в помине не

было на площади. Макс сломя голову ринулся туда, где стреляли, не думая о том, что его там, в общем-то, не ждут, и запросто могут подстрелить «за компанию».

Во дворе никого уже не было. Только расстрелянный в решето «Форд-Эксплорер» с двумя трупами внутри, еще один труп на газоне, да куча автоматных гильз.

Макс подобрал несколько и стал рассматривать тело, лежащее на траве. Полноватый, но со следами былой мускулатуры, мужик, очень дорого одетый, лысоват со лба. А уж как его изрешетили! Крови как из свиньи натекло.

Макс пощелкал фотоаппаратом, и снова прислушался к происходящему на площади. Там еще грохотали выстрелы. «Главное задание выполнил только процентов на десять, так хоть там сниму толком» – подумал Макс и уже собрался отваливать, как, вдруг, услышал крики и ругань совсем рядом.

Из подъезда вывалились лейтенант-ОМОновец, что давеча гонял Макса по привокзальным дворам и ярко и дорого одетая девушка лет восемнадцати. Она вырывалась из огромных лапищ милиционера и весьма крепко материлась, на что лейтенант отвечал ей более чем адекватно.

Из этой «светской» беседы спрятавшийся за машиной репортер смог понять, что эта деваха видела, как расстреливали этих несчастных и даже, похоже, приехала вместе с ними. А идти куда-либо с этим «ментом вонючим» она наотрез отказывалась. В конце концов, ОМОновец влил ей такую затрещину, что она грохнулась на землю метрах в двух-трех от того места, где стояла.

В этот момент Макс выглянул из-за «Форда» и нажал на спуск фотоаппарата. Лейтенант обернулся, а девчонка вскочила и попыталась убежать. И тут произошло то, чего никто из присутствовавших не ожидал. ОМОновец машинально вскинул автомат и нажал на спуск. АКСУ рывкнул короткой очередью и девушку, уже забежавшую за стоящие рядом гаражи, будто ударили в спину. Она рухнула на битые кирпичи, выгнулась, пытаясь достать руками рану на спине, вздрогнула несколько раз всем телом и затихла.

Лейтенант зло сплюнул и повернулся к Макс, все еще нажимавшему на спуск автоматической камеры.

– Пожалуй, мне придется забрать твой аппаратик, – процедил лейтенант и поднял автомат.

Черный и бездонный, как тоннель, зрачок автомата глядел на Макса бесстрастно и неотвратно.

Палец на курке напрягся, побелел и...Макс закричал... Грянул одиночный выстрел и Макс, как в замедленном кино, увидел, что голова ОМОновца разлетелась сотней красных брызг, и убийца рухнул к ногам своей жертвы. Макс не мог двинуться с места. Его била нервная дрожь.

Из-за соседнего гаража вышел парень в светлом плаще и десантной кепке с «калашниковым» наперевес. Он посмотрел на Макса, ткнул ботинком тело лейтенанта, подобрал его автомат и скрылся за углом.

Макс нетвердым шагом подошел и, преодолевая отвращение, посмотрел на место трагедии. Асфальт был забрызган серо-коричневыми блестящими лейтенантскими мозгами. «У него, оказывается, были мозги» – промелькнула не совсем уместная мысль. Стараясь не смотреть туда, где еще недавно была голова, Макс присел, и вытащил из кобуры убитого пистолет, а из набедренного кармана запасную обойму. Сложил трофеи в сумку и затрусил с места происшествия. Забежав за угол дома, Макс остановился, несколько секунд помедлил и, наклонившись, выложил на землю все, что съел утром на завтрак.

Солнце падало за заводские цеха на окраине города, пробив облака вонючего дыма и заливая взбудораженные улицы кровавым светом. Лужи, отражая небо, казались лужами крови.

Ботинки загораживали полнеба. Макс, тупо уставившись на свои ноги, задранные на подоконник, уже полчаса разглядывал бурое пятнышко на ребре подошвы левого ботинка.

В кабинете было сумрачно и от того, что уже наступил вечер, и от густого табачного дыма. Макс выдул очередную струю, понаблюдал, как заколыхались четкие сиреневые пласты воздуха, меняя свою форму и застывая в новой. Обжигая пальцы, затушил микроскопический окурок об ножку стула и бросил бычок на пол, в огромную кучу таких же чинариков.

Он сидел уже восемь часов, запершись в своем кабинете в редакции. Он не слышал, как время от времени сотрясалась от ударов дверь, как с грохотом проносились по улице грузовики. Иногда на него накатывало волна то страха, то тошноты.

Щелкнул замок и в кабинет влетел Джон. В дверях остались человек пять с опасливым любопытством наблюдающих редколлег. Пыхтя, внес свой живот редактор.

– Че расселся! – утвердительно заорал Джон. – Меня там чуть не замочили! Я тебе такое расскажу!

– Не трогай мальчика, – прогудел редактор. – Ему плохо. Он здесь целый день сидит.

– А ты не раскисай. И убери протезы с подоконника, – обратился он уже к Макс. – Ишь, намусорил. Комиссар в Смольном, да и только.

Макс равнодушно посмотрел в их сторону и опустил ноги. Присутствие людей столкнуло его с мертвой точки. Появилось недовольство, а это уже, хоть какая-то, а эмоция.

– Максимов, мы для тебя специально половину первой полосы оставили на завтра. Где снимки? – пропела из дверей Софья Евгеньевна, ответственный секретарь.

– Щас, – буркнул Макс.

Вернувшись к жизни, он начал осознавать, что делал последние восемь часов. Сразу после событий на площади он вернулся в редакцию, заперся в кабинете, передвигаясь на автопилоте проявил пленки и, так же автоматически, распечатал снимки. Потом выпил крепкого чаю и сел перед окном, где и провел все оставшееся время в сомнамбулическом состоянии.

Кабинет они с Джоном занимали на двоих, поэтому никто и не смог туда зайти, пока Джон не вернулся с классическим синяком под глазом и разбитой бровью.

– Щас... – повторил Макс, пытаясь вспомнить, куда он засунул снимки. Полез, было, в сумку, но, наткнувшись на пистолет, отдернул руку, словно обжегшись.

В комнате повисло заряженное любопытством молчание. Макс достал из кармана пустую сигаретную пачку, повертел ее в руках и бросил на пол.

– Ишь, раскидался, – заворчал редактор, – Ну, чисто, комиссар.

– Дайте закурить?

В ответ материализовались сразу три пачки, протянутые разными руками. Макс подивился такой щедрости и достал по одной из каждой пачки. Две сигареты спрятал за ухо, прикурив третью.

– Зеленый весь, а еще смолит, комиссар, – не унимался редактор.

– О! – Хлопнул себя по лбу Макс и полез в маленький сейф, где хранились пленки и дорогостоящие фотопринадлежности. Снимки были там. Молча он кинул фотографии на стол, поняв, что рассказать словами о происшедшем не сможет.

– Ну, что там? – Софья Евгеньевна, подошла к столу. Редколлеги столпились рядом.

Стоя у окна, Макс по репликам старался догадаться, что они в данный момент рассматривают.

– Неплохо. Солидный планчик, – это снимок толпы на автобусной остановке.

– Класс! – это, видимо, парень с мегафоном крупным планом. «И когда успел снять? Даже сам не заметил.»

– Боже мой! – Софья Евгеньевна увидела, как толпа крушит автобус.
– Это не очень. Действующих лиц не видно, – это, наверное, не видно цепи ОМОНовцев за тягачами.

- Во! То, что надо! – «красные» идут в прорыв.
- Круто! Прямо как легионеры! – «психическая» атака ОМОНа.
- М-да! – началась «мясорубка».
- И сюда успел! – это редактор. Значит, пошли расстрелянные бандиты.
- А это что? Максимов? В тебя стреляли? – «Лейтеха попал таки в кадр».
- Сенсация! Мент-убийца! – и девочка, тоже, попала.

И последний кадр – ОМОновец с разmozженным черепом, кровь и мозги на асфальте. Повисло тягостное молчание. Софья Евгеньевна выскочила из кабинета, держась за горло. Служивцы тоже начали расходиться, обмениваясь впечатлениями.

– Ты молодец! Гвардия! – пропыхтел редактор, – Снимки я забираю. Потолкуем завтра. Приходи пораньше.

Он вышел и прикрыл за собой дверь, оставив Макса наедине с Джоном. Обиженно повалившись в кресло, Женька недовольно протянул:

– Ты что, про меня забыл? Тебе не интересно, где я был? Макс снова закурил и сел на стол.

– Прости, Женек. Я не забыл. Вернее, забыл, но не только про тебя. Я про все забыл. Я в шоке просто. Столько всего... Давай завтра поболтаем, сейчас я не в состоянии. Хоп?

Макс достал из сейфа еще одну пачку снимков и бросил их в сумку.

– Домой? – спросил Джон, – Пошли ко мне. Уже поздно. Постреливают на улицах.

Макс согласился и через пятнадцать минут ходьбы по главной улице города они были на месте.

Дома Макс сразу нырнул в постель, укрылся с головой и замолк. Джон что-то недовольно пробормотал и ушел на кухню пить чай.

Сон навалился неожиданно и сразу бросил Макса в нокаут. Накатилась удушающая мгла без сновидений. И всю ночь Макс был благодарен кому-то, за то, что ему ничего не снится. В эту ночь он боялся снов.

Утром Макс проснулся раньше Джона. Полежал минут десять с закрытыми глазами и, поняв, что сон уже не вернется, встал, вытащил из-под кровати сумку и пошел в ванную. Включил воду, вынул из сумки пистолет. Новенький «Макар» удобно лежал на ладони. Изящные формы, солидная тяжесть боевого оружия. Макс медленно провел пальцами по ребристой рукояти, извлек полную обойму, сдвинул кожух, открыв темный ствол.

Пистолет был холоден и грозен. «Почему оружие всегда, холодно?» – подумал Макс, – «Столовый нож никогда не бывает таким холодным, как финка или штык». Развивать мысль дальше было лень, и Макс отпустил кожух. Потом, передвинул пальцем предохранитель и нажал на курок, спуская затвор. Раздался звонкий щелчок. «ЩЕЛК – и нет —человека». С похожим звуком вошла в пазы обойма, наполняя силой пустое оружие. Макс еще раз взвесил пистолет в руке и, удовлетворенный, бережно опустил его назад.

Пошарив еще немного в сумке, Макс извлек оттуда фотографии. Еще раз бегло про испорченную фотографию, которой не было среди тех, которые Макс отдал редактору. Во время, проявки пленка на одном из последних кадров слиплась и на ней образовалось несмыслимое пятно, но на отпечатке, который Макс все же попробовал сделать, был виден упавший ОМОновец и выходящий из-за гаражей парень в плаще и с автоматом. Правда, сам автомат и половина туловища спасителя Макса как раз и были скрыты пятном. Из-за того, что парень находился дальше, чем точка фокуса фотоаппарата, лицо его было расплывчатым. Макс достал из сумки лупу, и некоторое время вглядывался в размытые черты.

«Да, по этому снимку вряд ли можно провести опознание»— подумал Макс и с сожалением положил то, что держал в руках, обратно.

В коридоре послышалось шлепание босых ног по паркету и сонное бормотание Джона. Макс быстро встал и начал умываться. За чаем Джон, как бы между прочим, заметил:

– Знаешь, что со мной вчера было?

– Что?

– Отгадай.

– Да не томи ты. Выкладывай.

– Дай цену набить.

Увидев кислое выражение лица Макса, Джон смиротворился:

– Так вот. Когда ты позорно покинул своего друга в тяжкую минуту, я оставался в куче. Через пару минут стрельба прекратилась. Самых крутых повязали на три счета, а остальных просто разогнали. Мне в суматохе один ОМОНовец врезал в глаз и поволок к автобусу.

Макс прикурил сигарету, изображая заинтересованность, а Джон продолжал рассказ о своих приключениях:

– Запихнули меня в автобус. Там уже было человек десять пассажиров и столько же ОМОНовцев. Самые резкие пассажиры лежали на полу, лицом вниз. Я сначала хотел редакционное удостоверение показать, но аллах всемогущ, удержал меня. Через пару минут к нам закинули мужика из «Курьера». Он всем в нос тыкал свои «корочки». Потом ему в нос потыкали кулаком, отобрали камеру, раздолбали ее сапогами, а ему крепко навешали. Меня минут через пятнадцать отпустили, и еще человек пять, а остальных куда-то повезли. Вот и все.

– Да, круто с тобой обошлись. Ладно, Джонни, пора мне. Труба зовет.

Макс вышел за улицу и отправился в редакцию. Весна уже взяла свое, и Максу было жарко в куртке. «Постричься бы не мешало» – подумал он, смахивая, в очередной раз со лба отросшие за зиму волосы.

Город, перенесший очередную кризисную зиму, жил своей, ставшей уже привычной, натушной жизнью вечно голодного и усталого бродяги. По улицам, разбрызгивая теплые лужи, проносились новенькие «Вольво» и «Опели» бизнесменов, «Волги» простых начальников, «Мерсы» и БМВ стриженных качков. Рабочий люд давно уже катался на своих «Ладах» и «Москвичах» только по выходным на дачу. Бензин стал дороговат.

Расстояние от места очередной ночевки до редакции Макс привык преодолевать пешком. На общественный транспорт надежды не было, а если и втиснешься в залетный автобус, то выйдет себе дороже.

Через двадцать минут Макс уже стоял перед дубовыми дверями редакции. Привычно споткнувшись об обитый медью порог, который предприимчивые редколлеги давно собирались снести в пункт приема цветных металлов в похмельный понедельник, Макс так же привычно ругнулся и побежал по лестнице на второй этаж к редактору.

– Привет, Ильич! – с порога поприветствовал Макс.

– А-а, неутомимый! Садись-садись.

Владимира Ильича Лялина в редакции, естественно, называли только Ильичем. На его дверях неизменно каждое утро появлялась надпись мелом: «Вождь мирового пролетариата», которую Ильич так же неизменно стирал тряпочкой. Планерки остроумные коллеги называли не иначе как «Заветы Ильича», а то, что в помещении редакции раньше находилась редакция районной многотиражки «Путь Ильича», только подчеркивало комизм ситуации.

– Что на сегодня, Владимир Ильич?

– Знаешь... Похоже, что ничего. Попробуй сам, а?

– Понял, не дурак. Свободная охота?

– Ну-ну. Умница...вперед, с песней.

Макс выскочил из кабинета, удовлетворенный. «Свободную охоту» он любил.

«Попробую поймать таки этого неуловимого Сержанта»-подумал Макс, направляясь к своему кабинету. По пути он выхватил у корректора, несущего пачку свежих номеров «Вестника» один экземпляр и, развернув его, вдруг встал, как вкопанный у самой двери.

На первой полосе красовалась физиономия кандидата в мэры города от демократов и большая статья о приватизации двух маленьких парикмахерских. Фотографий с вчерашнего побоища не было. Уже зная, что их нет и на других страницах, Макс развернул газету и удостоверился в истинности своих предположений. Лишь в самом низу третьей полосы был маленький снимок изрешеченного «Форда» и краткий комментарий об очередных мафиозных разборках с тремя трупами. И все!

О лейтенанте-ОМОНовце тоже не было ни слова.

Втянув щеки и приподняв нижнюю губу Макс секунду помедлил, и решительно пошел обратно к редактору.

Войдя в кабинет, Макс бросил газету на стол перед Ильичем, и вопросительно наклонил голову. Ильич поднял глаза от бумаг, лежавших на его столе и посмотрел сначала на газету, потом на Макса.

– Что случилось, Максимов?

Макс промолчал, не изменив позы, только кулаки в карманах сжались.

– А-а, – как бы спохватившись протянул редактор, взъерошив седеющий венчик волос над лысиной, багровой от падающих через стекло лучей встающего солнца. – Материалы твои не смогли дать. Время поджало.

– Не гони, Ильич. Было пол-полосы.

– Знаешь, технологический процесс требует определенного...

– Ильич!

Редактор замолчал.

– Ильич, я очень похож на идиота?

– Нет, не очень, – редактор отвернулся к окну, помолчал, – Давай поговорим серьезно.

– Я весь – внимание, – бросил Макс, усаживаясь в кресло.

– Не юродствуй. Ты сам понимаешь, в каком положении сейчас находится страна. Кризис экономический, политический, идеологический, социальный. В такое время нужно взвешивать каждое слово, особенно, когда оно усилено таким мощным рупором, как газета. Демократия победила, но она еще очень слаба. Реакция еще может поднять голову. Ты отдаешь себе отчет, каким ударом по нынешним структурам власти будет твоя публикация? Народ и так взвинчен до предела этими ценами, этой нищетой, из которой страна не может вырваться уже который год. В общем, текущий момент требует от нас взвешенного подхода к своим действиям. Мы должны отвечать за тот эффект, который вызывается нашими словами.

– Я не понял, Ильич. Ты что, хочешь умолчать эту историю?

– Не умолчать, а повременить. Твои снимки никуда не денутся. Мы к ним еще вернемся.

– После выборов?

– Не передергивай.

– Ильич, поясни.

– Шум вокруг разгона демонстрации будет только на руку большевикам.

– Да подавитесь вы своей демонстрацией. Поехали вы все на политике. Да и хрен с вами, пусть над вами потешаются, как над страусами. Мне интересно, почему нет материала об этом дебиле в форме?

– Слишком все сыро.

– Что сыро? Убийство свидетеля, подтвержденное фотоснимками?

– А ты не боишься, что его смерть повесят на тебя?

– Нет, не боюсь. У меня нет автомата.

– Это твое дело, но в моей газете этого не будет!

– Ильич, ты не спятил? Завтра об этом будут вопить все городские газеты, кроме нашей!

– Не будут, – в обычно мягком голосе Лялина внезапно мелькнула твердая, спокойная уверенность, совсем не свойственная этому, немного рыхловатому, человеку.

Макс замолчал и задумался. Через минуту спросил:

– Ильич, кто к тебе приходил?

– А? Что?

– Ну, колись! Давай я сам отгадаю – Мэрия? КГБ? ОМОН? Мафия? В чем дело?

Лялин насупленно молчал. Выслушивать такое от мальчишки не очень-то приятно. Но не говорить же ему. А впрочем, и сам-то мало что понял.

– Ладно, не говори. «Кадр» у себя?

– Зачем тебе отдел кадров?

– Заявление подать. Ухожу в бизнес.

– Максимов, не куролесь. Я тебя не отпущу. Где я найду такого репортера, который может писать, фотографировать, пролезает туда, куда пролезть даже теоретически невозможно? Ты сейчас в запале, остынь. А если хочешь отдохнуть – бери с завтрашнего дня отпуск. Даю тебе месяц. По рукам?

– По рукам, – после некоторого раздумья нехотя согласился Макс, и стиснул в своей жесткой деревянной ладони мягкие пальцы Ильича так, что у того на глазах выступили слезы.

Отдав кадровику заявление и получив отпускные, Макс вышел на улицу. Грудь переполняла, взрывоопасная смесь – обида, горечь, злость, недоумение, лёгкая растерянность. Макс не знал, что ему делать с неожиданно свалившейся на него свободой.

Мимо пролетел красный «Форд» с тремя семерками на номере. Макс едва успел прыгнуть за столб, когда волна грязной воды из-под колес машины окатила тротуар.

«Ублюдок!» – заорал Макс. Правда, никто этого не услышал, потому что орал Макс про себя. Он знал, что на этом «Форде» ездит довольно крупный мафиози Крест, глава трех «семей». Причем эти «семьи» умудрялись враждовать между собой. Впрочем, Креста это не волновало. «Ковбойскими» делами он уже давно сам не занимался. На это есть «руки». А для него главное доход. А доход был. Налогом были обложены все. Вплоть до высокооплачиваемых чиновников на службе государевой.

«Ублюдок» – еще раз подумал Макс, выдыхая носом, чтобы умерить злость, – «И до тебя доберусь. Дай только срок.»

День прошел на редкость бестолково. Макс не знал, куда себя деть. Мотался по всему городу без цели, заглядывая в разные кафе, закусочные, рюмочные и прочие забегаловки, в надежде встретить кого-нибудь интересного. Как на зло, попадались, в основном, те, кого Макс видеть совсем не хотелось. Впрочем, он и сам не знал, кого ему хотелось видеть. К вечеру накопившееся раздражение сменилось усталостью и полным опустошением.

Только один раз он почувствовал острый интерес. В пивбаре «Якорь» внимание Макса привлек парень, беседовавший с барменом. Мощные плечи и широкая спина под легкой серой курткой, в вырезе которой светилась тельняшка, джинсы, высокие армейские ботинки. Жесткий ежик черных волос, тронутый ранней сединой, тонкие брови вразлет, интеллигентные черты худого лица, и, в то же время, жесткий рот, крупный подбородок и жгучий внимательный взгляд из-под полуприкрытых век.

Бар был из категории дорогих, поэтому ходили сюда, в основном, завсегдатаи. Не было обычного гвалта пивнушки, в котором смешиваются десятки разговоров, звук сдвигаемых столов, звон кружек. Все благопристойно. Парня в этом заведении, явно, знали и уважали, а может, и боялись. В радиусе пяти метров от него никто не останавливался.

Макс шумно выдохнул воздух и подошел к стойке. Заказав пиво, он попытался завести разговор с парнем, но тот, довольно грубо осмотрев Макса, спросил:

– Ты кто?

– Я? Олег, – Макс с готовностью протянул руку. Парень пожал руку и продолжил:

– Здравствуй, Олег. И давай сразу попрощаемся. А поближе познакомимся как-нибудь в другой раз. Ладно?

Макс слегка опешил от такого разговора и, не допив пиво, пошел к выходу. Перед дверью он оглянулся и поймал на себе пристальный взгляд бармена. Парень тоже оглянулся и подмигнул Максу левым глазом, при этом Макс показалось, что в него прицеливаются. Он дернул дверь в туалет, заскочил внутрь, заперся, и перевел дух. Секунду подумав, он расстегнул сумку, достал пистолет и сунул его за пояс. «Как-то спокойней.»

Выйдя на улицу, Макс стал размышлять. Кто бы это мог быть? Рэкетир? Не похож. Для «рук» или, тем более, «головы» через чур прост и беден. Ну, а уж «пальцы» не спутаешь ни с кем – у этих «горилл» на лбу печать стоит: «Я бандит». Странно, очень странно. Человек Сержанта? Очень может быть. Надо бы заняться этим Сержантом вплотную. Очень уж интересно.

Макса здорово возбудила, эта встреча. Он был решительным малым, изобретательным в интеллектуальных поединках, но физических схваток не переносил. Макс всегда подозревал, что он просто хронически боится драться, но не мог сказать об этом с уверенностью. Тем более, что драться-то он умел...

...Довольно долго Макс занимался в секции каратэ-кекусинкай, не раз менял цвет пояса, но, поняв, в конце концов, что этот жесткий стиль не для него, перешел в школу ушу. Потом армия. Макс служил в батальоне охраны секретного аэродрома. Комбат, подполковник-афганец, натаскивал своих питомцев так, как будто им завтра идти в бой против «зеленых беретов». Когда кто-то из приехавшего с проверкой начальства в шутку назвал батальон охраны «Школой Рэмбо», комбат обиделся, заявив, что Рэмбо – слабак по сравнению с его орлами. В качестве доказательства он провел небольшие учения, после которых начальство уехало преисполненное чувством гордости за русскую армию. За время службы Макс несколько раз участвовал окружных соревнованиях по рукопашке, которые в условиях армейской дури и полнейшей безграмотности организаторов превращались в жестокие гладиаторские бои без малейшего признака правил.

Вернувшись из армии Макс занялся айки-до и, кажется, нашел себя, начал быстро прогрессировать, но через полтора года занятий сэнсей, добрейшей души мужик, был застрелен при попытке защитить какую-то девчонку от пьяных рэкетменов. На суде эта девчонка заявила, что это сэнсей на нее напал, за что его и застрелили. После этого Макс перепробовал еще кучу видов. В таэквондо так и не смог привыкнуть к преобладанию ударов ногами, школа ниндзюцу оказалась чистой воды шарлатанством, бокс и кик-боксинг оттолкнули своей западной примитивностью.

В конце концов Макс во всем разочаровался и стал заниматься один, по книгам, на которые не жалел денег...

Погрузившись в свои мысли, Макс добрался до дома. Было уже около одиннадцати вечера, стемнело. Фонари не горели. Еще задолго до арки, ведущей во двор, Макс почувствовал нарастающее беспокойство. Случалось с ним такое, безотчетное чувство близкой опасности.

Подойти к дому можно было двумя путями – либо через арку, либо пройдя еще метров сто по тротуару. Расстояние было, в принципе, одинаковое, но черт, сидящий в Максе, в очередной раз отдал ногам приказание, которое сам Макс не одобрил...

...Еще в детстве Макс заметил за собой эту особенность – нередко сердцем чувствуя опасность, даже точно зная, что это опасно. Макс неизвестно зачем шел навстречу этой самой опасности, часто даже не успевая понять, что он пошел не туда. Увидев старших мальчишек и зная, что от этой встречи ничего хорошего ждать нельзя, и даже имея время не теряя достоинства перейти на другую сторону, маленький Олежка, упрямо сцепив зубы и внутренне содрагаясь от собственного безумства, шел навстречу неприятностям, не давая себе ни времени, ни возможности обдумать действия. Как следствие, Макс получал синяки и шишки, расставался с

наличной мелочью, в обмен на чувство гордости за себя, непередаваемое чувство внутренней свободы, и уважение сверстников, видевших в Максе смельчака, которым тот, в сущности, не был. Он же боялся этих мальчишек!..

Подойдя к арке Макс услышал несколько приглушенных голосов, увидел огоньки сигарет. Легкий сквозняк завился между ног. Дренькнула покотившаяся по асфальту бутылка.

– Э, чувак, тормози. Куда разогнался?

Макс ждал этого возгласа, но сердце все же учащенно забилося. В темноте смутно угадывались силуэты трех человек, но Макс не был уверен, что их не больше.

– Че встал? Кто такой?

По вульгарным фразам, гнусавому придыханию, молодому, хотя и хриплому голосу Макс понял, что перед ним обычная «гопота», молодняк, страдающий от безделья. Впрочем, ситуацию это нисколько не улучшало. Мирные горожане больше всего страдали именно от таких щенков, собирающихся в волчьи стаи, а не от тех, кого принято называть мафией. Эти сопляки безжалостны, мелочны, наглы и жестоки, как жестоки бывают только пятнадцатилетние пацаны. Они могли избить без причины, убить за пачку сигарет.

– Курятинку давай, а то кончается.

– Не курю, – соврал Макс. Откупаться от них бесполезно, зачем тогда унижаться, доставая сигареты?

– Кит, да мазани ты ему. Че разбираешься?

– Погодь, ща поприкалываемся. Споем хором.

«Спеть хором» или, иначе, «сводить хоровод», означало выкинуть жертву в центр круга и бить по очереди, пока несчастный не доходил до кондиции. Благо, всегда кто-то оказывался сзади.

Как всегда перед дракой, Макс почувствовал тянущую пустоту внизу живота и противную слабость и подрагивание в ногах. Мозг лихорадочно искал выход. Поняв, что сбежать не удастся, Макс решил подороже продать свою шкуру.

Приняв решение, он уже не медлил. Не дожидаясь, когда подойдут остальные, он нанес широкий круговой удар рукой в темноту, рассчитывая зацепить того, кто стоял рядом. Макс попал, но темнота, все же, подвела его – противник оказался выше Макса и удар пришелся в ключицу. Нападавшие бросились на Макса. Он отпрыгнул в сторону, но ударился плечом о стену. «Конец», – подумал Макс, прижимаясь спиной к шершавому бетону и тут пистолет, заткнутый за пояс на спине, врезался ему в кожу. Рука сама метнулась к спасительной рукоятке, обдирая о стену пальцы. Палец лег на курок и искрящийся шум, начавшийся в голове Макса с самого начала «приключения», прорезал крик: «Стоять, суки!» Через мгновение Макс уже понял, что кричал он сам. Шум куда-то исчез, мысль работала четко, как на публичном выступлении.

Макс щелкнул кожухом, вгоняя патрон в ствол, спустил предохранитель. Пацаны еще даже не поняли, где он находится, а Макс уже был готов к бою. Пистолет в руке вселял чувство могущества и уверенность. Для предупреждения недоразумений Макс приподнял ствол вверх и нажал на курок. Громко бабахнул выстрел, усиленный сводами арки, пронзительно взвизгнула от ricochet пуля. Макс по прежнему не видел противников, но твердо знал, что сейчас они стоят на месте и медленно трезвеют. Пока они не пришли в себя, Макс прочитал им краткую речь, содержащую все нужные напутствия, эпитеты и определения, которые Макс счел приличествующими данному течению обстоятельств и, закончив спич традиционным «Еще раз увижу – пристрелю», пошел прочь. Арка проводила его гробовым молчанием.

Дома Макс достал пистолет и долго его рассматривал. Он подумал о том, что эти щенки вряд ли имеют право жить. Ведь это волки, а не люди. Волки, конечно, удерживают равновесие в природе, но когда, вследствие каких-то катаклизмов, волков становится слишком много, их приходится отстреливать. А этих отстреливать некому, хотя популяция этих зверей перешла

уже все мыслимые рамки. Право убивать волков имеет тот, у кого есть ружье и охотничий билет. А кто имеет право на отстрел двуногих хищников, когда даже егеря из милиции оказываются, зачастую, вне закона, вынимая из кобуры пистолет? Да и егеря-то эти, иной раз, не лучше зверей. А ведь стреляя в этих подонков, человек использует свое святое право – право защищаться.

Ну, а Сержант? Он защищается? Нет, он защищает других. А имеет он право на это? Конечно... «да». Или, все таки «нет»?

На этой ноте Макс решил прервать свои размышления. События последних дней совсем выбили его из колеи. Ленки дома не было и Макс завалился спать не застывая постели и не раздеваясь, лишь натянув на себя покрывало.

Едва проснувшись, утром, Макс вспомнил свое вчерашнее приключение в «Якоре». Стычка в арке отпечаталась в памяти смутно, и ему пришлось проверить количество патронов в обойме, чтобы убедиться, что это ему не приснилось. Одного патрона не доставало. На кухне Макс нашел Ленкину записку о том, что она поехала на две недели к матери в деревню, и просила не беспокоиться.

«Как нельзя кстати» – подумал Макс. Порывшись в холодильнике, он решил, что лучше поест в какой-нибудь забегаловке и, попив пустого чаю, отправился в город.

Полдня прошло впустую, но во втором часу произошло то, чего Макс ну никак не ожидал.

Он шел по дороге, когда за спиной взвизгнули тормоза и веселый, чуть хриплый, голос крикнул: «Здорово, Олег!»

Макс обернулся и увидел того самого парня из «Якоря», который стоял возле открытой дверцы армейского УАЗика. и разглядывал Макса. На зеленом борту машины ломаная белая полоса изображала что-то вроде горного хребта, под которым яркими красными буквами горела надпись: «САЛАНГ». Макс немного неуверенно подошел и протянул руку. Крепкое пожатие сухой ладони внушило Максиму хоть какое-то доверие. – Хочешь покататься? – спросил парень.

Макс без слов открыл дверцу сзади и сел в машину. УАЗик рванул с места и полетел по дороге. Шофер не очень-то утруждал себя соблюдением дорожных условностей, при этом умудряясь ни разу не попасть в опасное положение.

Через минуту парень, который сидел рядом с водителем, обернулся к Максиму и представился:

– Меня зовут Сергей. Иногда еще кличут Греком. Почему – не знаю. Я из САЛАНГА – есть такой клуб. Военно-спортивный. Ребятишек учим. Так. Про тебя я все знаю. По крайней мере то, что меня интересует. Знаю, что ищешь Сержанта. Он тоже знает. Сегодня ты его, правда, не увидишь, но к ребятам я тебя свожу. Может, что поймешь. Об условиях говорить не буду. Не маленький, сам въедешь. Так.

Парень ободряюще улыбнулся Максиму и, снова, отвернулся. «Детектив!» – подумал Макс. – «Сейчас глаза завяжут». По глаза завязывать не стали, просто УАЗик свернул во дворы и, попетляв, остановился у заброшенной котельной. Шофер, новый знакомый, назвавшийся Сергеем и Макс вышли. Следом за провожатыми Макс вошел в котельную. Там было неожиданно чисто и аккуратно. На полу даже лежал линолеум. Дверца одной из печей была почти в человеческий рост. Возле нее стоял парень в «афганке» и голубом берете с помповым ружьем. Ствол ненавязчиво поглядывал в сторону гостей своим калиброванным глазом.

– Ребята там? – спросил Сергей у часового.

– Да. Это с тобой?

– Так.

Часовой открыл дверь. Сергей жестом пригласил Макса внутрь и, когда он прошел, ловко вытащил пистолет у Макса из-за пояса. Макс только рот раскрыл.

– Не бойсь, отдам. Пока просто ни к чему, – успокоил его Сергей. Макс не пришло в голову ничего умнее, чем сказать:

– Только не забудь. Он мне нужен.

Сразу за дверью начиналась крутая темная лестница вниз. Макс насчитал 18 ступенек. Внизу, в небольшой нише, стоял еще один охранник.

– Много их у вас? – поинтересовался гость.

– Много, – лаконично ответил хозяин.

Он открыл еще одну дверь и Макс вошел в освещенную комнату, представлявшую собой довольно интересное зрелище. Комната была метров пятнадцать в длину и около семи метров в ширину, своды были усилены подпорками, с потолка свешивались три мощные сто пятидесятиваттные лампочки без абажуров.

Правая часть комнаты, видимо, служила чем-то вроде штаба – на стене висела большая карта города, вся раскрашенная разными цветами и утыканная флажками. Вокруг длинного стола стояло множество стульев. На самом столе стоял телефон, пачка бумаг, небольшой сейф и, что уж совсем добило Макса, японский ксерокс. Левая часть комнаты представляла собой безыскусный кубрик. Вдоль стен тянулись двухэтажные деревянные нары, на втором этаже которых лежали свернутые матрацы.

В середине кубрика, стоял стол из грубых досок, вокруг которого располагались такие же грубые скамейки и табуретки.

На нарах спали пара человек, а за столом мирно беседовали еще пять-шесть парней. Тут же, на столе, стояло несколько бутылок водки, пара банок тушенки, трехлитровая банка с соевыми огурцами, торчал штык-нож и лежали автомат и два пистолета. «Ничего себе, натюрморт!» – присвистнул про себя Макс.

– Здорово, мужики! – рявкнул Сергей.

– Здорово! – не очень стройно отозвалась компания.

– Это Олег, журналист, – представил Сергей Макса.

«Мужики» не ответили, настороженно и не очень приветливо разглядывая Макса. «Мартышкам в зоопарке легче. Их, по крайней мере, не подозревают в шпионстве», – подумал Макс.

– Садись, – Сергей подтолкнул Макса к столу.

Макс подцепил ногой обшарпанную табуретку и сел, не сводя глаз с парня в тельняшке и спортивных штанах. Макс был уверен, что он его уже где-то видел.

– Что, неласково встречаем? Да, у нас здесь не свадьба. Ничего, после первой легче станет, – успокоил Сергей.

Дверь открылась, и в комнату влетели еще два бугая с кастрюлей вареной картошки «в мундире».

– Картофан готов! – гаркнул румяный гигант лет двадцати семи. – Здорово, Грек. А это кто?

– Это Олег. Сержант попросил показать ему нашу жизнь.

– Ясно. Вопросов нет.

Ребята уселись за стол. Один достал из-под нар картонный ящик и извлек из него граненые стаканы.

– Разливай, – скомандовал Грек.

Невысокий смуглый мужик лет тридцати пяти с восточными чертами лица, скорее всего татарин, открыл бутылку водки и с аптекарской точностью разлил по стаканам. Тут же были открыты банки с тушенкой и огурцы.

– За знакомство, – сказал Грек.

Все выпили не чокаясь. Макс потянулся к огурцам, но татарин, зло глянув, процедил:

– После первой не закусывают. Закуси не хватит.

– Не кипятись, Касым. Ты же его не знаешь, – выдохнул Грек, занюхивая собственной ладонью.

– погоди, Сергей, – Макс хлопнул ладонью по столу. – Я, мужики, не собираюсь перед вами ни лебезить, ни оправдываться – не в чем. Я к вам не просился и в ближайшее время не намерен. У меня свои дела. У меня есть друзья, и есть враги. И тех, и других я заработал сам. Вашей дружбы я не жду. Пока нет повода дружить – я вас не знаю, вы меня – тоже. Но и враждовать, пока, причины не вижу. Если у кого-то вражда в душе сидит – это его проблемы. Но рычать на меня, как на салагу не стоит – я за себя постоять могу.

– Знаешь, сколько я крутых видал? – татарин прищурился. – Я их мокрыми портянками топлю.

Он протянул руку, и схватил Макса за запястье. Макс резко вывернул кисть и, поймав большой палец противника, сильно дернул его вправо и вниз. Татарин вскрикнул и упал грудью на стол, но тут же вскочил и бросился на Макса.

– Прикончу, падла!

– Стоять! – заорал Грек. Все повскакивали с мест.

– Вам пять минут Правило одно – не калечить и не добивать. Так?

– Ясно, – спокойно ответил Макс, сбрасывая куртку и разминая плечи и кисти.

Парни расселись на скамейках. Противники встали в трех шагах друг от друга. Татарин был меньше ста семидесяти сантиметров ростом, но жилист и крепок. В порывистых движениях сквозила восточная агрессивность.

«Драться будет непросто, но можно. Он слишком горяч и не сможет хорошо думать в драке» – решил Макс. Грек включил секундомер на часах и хлопнул в ладоши. Татарин ринулся на Макса, но тот круговым движением ушел из зоны атаки. Татарин развернулся и снова кинулся вперед. Макс ударил ногой, целясь в голову, но противник нырнул под ногу и серией ударов в живот отбросил Макса к стене, не сбив, впрочем, дыхания. «Не так-то он и прост» – мелькнуло в голове Макса. Крепыш опять атаковал и ударил рукой, но Макс поймал запястье и, отшагнув в сторону, шваркнул татарина об стену.

Кто-то из парней одобрительно похлопал. Татарин вновь нанес серию ударов руками. Макс легко ушел от них, крутнулся на левой пятке и, когда оказался спиной к противнику, неожиданно ударил правой ногой назад. Удар попал точно в цель. Касым схватился за живот и перегнулся пополам. Развивая успех, Макс рубанул ребром ладони по шее. Касым упал на пол, но тут же перевернулся на спину и прыжком вскочил на ноги. Через мгновение он ударил ногой, но слишком медленно, видимо в тренировках он делал упор только на руки, надеясь на напор и скорость. Макс поймал ногу за пятку и другой рукой рванул носок ноги наружу. Татарин не растерялся, падая, развернулся в воздухе, уперся руками о пол и другой ногой попытался ударить Макса в голову, но не попал. Оказавшись на полу, он снова вскочил, отпрыгнул назад и, вдруг, кувыркнулся в сторону Макса. Макс знал этот сложный маневр, сбивающий противника с ориентировки, и, не раздумывая, прыгнул «рыбкой» через Касыма, сгруппировался и вышел в стойку. Противники снова оказались в исходной позиции.

Тут уже раздались аплодисменты из разряда бурных. Максу надоело драться. Пора было заканчивать представление. Он расслабился, потом сосредоточился, усилием воли выключил сознание, оставив место только для боя. Теперь действия противника отражались в нем, как в зеркале пруда, избавленном от волн посторонних мыслей, искажающих истинную картину.

Касым шатнул вперед, поднял руку, чтобы ударить Макса, но тот мгновенно схватил его, приемом из айкидо закрутил вокруг себя и, вдруг, неожиданно легким толчком второй руки против движения швырнул Касыма на пол. Татарин поднялся, но тут же снова упал, получив удар ногой в подбородок. Вставал он на этот раз медленнее, секунду подумал и нанес три молниеносных удара кулаками. Макс парировал их такими же молниеносными блоками, присел и неожиданно ткнул локтем в солнечное сплетение, коленом поразил нервный центр на внут-

ренной поверхности бедра, кулаком ударил противника в челюсть и, когда тот отшатнулся, подпрыгнул и в прыжке нанес сильный и красивый удар ногой в грудь. Касым пролетел через всю комнату и врезался в зрителей, свалив двоих со скамеек.

– Аут! – крикнул Грек. – Две с половиной минуты. Победа за явным преимуществом.

Зрители довольно захлопали и заорали. Посмотреть, действительно, было на что.

Макс сделал глубокий вдох, медленно выдохнул, выходя из «боевого» состояния и, сопровождаемый одобрительным гулом и уже вполне дружескими хлопками по спине, прошел к столу.

– Где это ты так натаскался? – спросил парень, показавшийся Максу знакомым.

– Было время поучиться, – ответил Макс. – Мы где-то виделись?

– На вокзале.

Макс моментально вспомнил. Это был именно тот парень в плаще, который спас Макса от пули лейтенанта ОМОНовца.

– А-а! Я твой должник.

– Брось.

Касым, потирая ссадину на подбородке, сел напротив, протянул руку и примирительно проворчал:

– Неплохо стучишь. Жаль, что ты писатель.

– Я не писатель, я – репортер. Не штабник, а, скорее, разведчик, – сказал Макс, пожимая руку.

– Кто завструей? – громко спросил Грек. – Не теряйся.

Касым открыл вторую бутылку и, разлив, провозгласил:

– За мир.

Макс шумно выдохнул, унимая сердцебиение, и опрокинул в рот стакан. Теплая водка мягко скользнула в горло, обволакивая внутреннюю поверхность рта. Макс прижал кулак к носу, сбивая запах и противный вкус. На глазах выступили слезы. Касым протянул Максу огурец, в который тот, с наслаждением, вонзил зубы.

Через пару минут ничего не евший целый день Макс почувствовал, что пьянеет. Четкость восприятия снизилась, веки потяжелели, развязался язык. Макс казалось, что он уже сто лет знаком с этой, еще недавно враждебной, компанией.

Вокруг шли разговоры, распавшиеся на отдельные приватные беседы. Макс прислушался.

– Балай с «Гордеевцами» схлестнулся. Завалил двоих прямо на улице. Сержант обещал уладить, но мне все равно не нравится. Опять разборки пойдут, – говорил верзила, принесший картошку.

– Не впервой. Если что, «гордеевцам» придется хреново, – отозвался хрупкий парень с «Красной звездой» на десантной куртке.

– Это конечно. Да только после последней разборки с «леваками» мы двоих схоронили, а Митяй на коляске ездит. Да-а, знаю, – он нетерпеливо взмахнул рукой, увидев что хрупкий хочет что-то сказать. – «Леваков» стерли с лица земли, но парням от этого не легче. И, потом, «леваки» – это сопли-одиночки, а за Гордеем – Крест. Тут будет трудно.

– Да надо вообще всю «братву» перестрелять к ...матери. Чего Сержант тянет, мы же для этого и собрались. Серег, я что, не прав?

– Ишь ты, стрелок, – невесело усмехнулся Грек. – Если их всех перестрелять, в городе не останется никого младше тридцати-тридцати пяти. Здесь же все повязано. Менты с зэками бухают. Сын прокурора трясет сына директора филармонии, а их отцы, между прочим, одно-классники. Слишком маленький город. Мы собрались, чтобы эту мразь удерживать хоть как-то, наказывать их и другую сволочь, – Грек помолчал. – А от нечисти наш город может излечить только время. А может и не излечить.

– По пять грамм? – вдруг рывкнул кто-то с другого конца стола.

– Дели, Касым.

– Третий, – сказал Грек и поднялся со стаканом в руке.

Ребята молча встали и замерли, опустив глаза вниз. Макс тоже встал, вспомнив, что десантники и «афганцы» чтят этот обычай – «третий тост» – свято. Его уже пошатывало, но он, не задумываясь, выпил водку. Осушить налитый до половины стакан одним глотком не удалось, и Макс выщедил оставшееся через зубы. Его передернуло.

– Что так слабо? – спросил парень, вырвавшийся Макса на вокзале, заметив, как тот сморщился. Макс уже знал, что его зовут Кирилл.

– Да так. Без малого двое суток уже не хавал. Натощак не идет, да и развозит сильно, – заплетающимся языком ответил Макс.

– А че молчишь, как Кибальчиш? – скалабурил Касым и пододвинул банку тушенки, кусок ржаного хлеба и ложку. – Рубай. У нас с хавкой, вроде, нормально.

Макс опустошил банку за пару минут и принялся за картошку.

– Слушай, Грек, – Макс закончил с едой и решил перейти к делу, – А чем вы все-таки занимаетесь?

– Чем? – Сергей недоуменно пожал плечами. – Даже не знаю. Наше главное занятие – быть вместе.

– Вы берете только «афганцев»?

– Да нет, что ты. Просто это создавалось на основе «афганского» братства. Здесь есть те, кто служил в Грузии, Азербайджане, Осетии, Чечне, Таджикистане... Да мало ли где сейчас можно повоевать!

– Но только те, кто воевал?

– Нет, не только. Есть и совершенно мирные люди. Правда, большинство, все – таки, воевало. Понимаешь, у тех, кто был на войне, нервы наружу. И нам больше требуется... чувство локтя, что ли. Нам трудно в одиночку. А когда люди вместе, они смелее. И то, на что по одиночке мы бы, может, и не пошли, в компании мы делаем. И еще, наверное, мы все немного тронулись на армии. А здесь все почти так же, как там – строго и четко. Только без генералов и их дури.

– А не легче было бы завербоваться в войска?

– А генералы?

– Да... А эти автоматы, стрельба... Вы же поставили себя вне закона.

– Какого закона? Сейчас закона нет. Каждого, кто живет «по закону» ждет жестокое разочарование, рано или поздно. Закон не в состоянии защитить тех, кто в него верит. Он карает только тех, кого сможет достать, а достает он слишком немногих и слишком откровенно выборочно. Так? И потом... В милиции очень много наших. А кто нам не сочувствует, тот берет деньги.

– Вот и вы... плодите беззаконие.

– А какая разница, у кого он берет? Ведь все равно он продажный! Или лучше, чтобы он на бандитов работал?

– И все же убивать... – с сомнением проговорил Макс.

– Тебе когда-нибудь хотелось кого-нибудь убить?

– Случалось, но я...

– Ты просто не решаешься, ты закомплексован и боишься ответственности. В этом единственная разница. Убийство редко доставляет удовольствие само по себе, если ты не больной. А вот прикончить того, кого ты ненавидишь – это почти всегда удовольствие. И простые люди многого себя лишают, придумав Закон. Ведь так?

– Может быть...

Зазвонил телефон и Грек отошел. Макс осмотрелся. Застолье несколько отличалось от привычных гулянок. Не было пьяных разборок, повышенных тонов. Впрочем, выпито было совсем немного. В углу кто-то уже поигрывал на гитаре. Кирилл сидел молча, немного в стороне. Макс подошел к нему.

– Ты что, какой кислый?

– Я не кислый, я серьезный. Так. Думаю о своем. Я вообще-то в вашем городе недавно, меньше года.

– А как к Сержанту попал?

– Я сюда к сослуживцу за этим и приехал. Он мне про это написал и позвал к себе.

– Откуда сам-то?

– Сельский я. Ярославская область. Есть там такая деревенька. Генеральская называется. Смешно? Большая деревня, домов тридцать будет, – усмехнулся Кирилл.

– А откуда такое название?

– Не знаю, – Кирилл пожал плечами. – Бабка что-то рассказывала, да я забыл. Я ж оттуда в двенадцать лет с родителями уехал. Отец прапорщиком устроился, покатались по стране. А когда мне шестнадцать стукнуло, старики мои на новенькой машине разбились. Осталась у меня одна бабка. Пожил я с ней, пока она за муж не вышла...

– Что??

– Вот так вот. Нашла себе деда через службу знакомств. Приехал он к ней аж из самой Москвы. Между прочим, полковником был в войну. А когда они вместе зажили, я в армию пошел. В Афган. Последний год там захватил и выходил в числе последних. Поступил в институт, поучился пару лет, бросил. На завод пошел – тоже не вмоготу. Разучился мирно жить. Хотел в армию завербоваться, да передумал. Попробовал наемничать. Повоевал в Карабахе, тошно стало. Не могу за чужих драться. И тут с другом связался. Он меня сюда позвал. И вот я перед вами!

– Да-а... Хитрая штука – жизнь. Столько уже историй выслушал, а все удивляться не перестаю – как, все-таки, по-разному она закручивает!

Еще с час Макс гостил у «афганцев». Перезнакомился со всеми, а с Кириллом уже почти подружился. Чем-то они друг другу сразу понравились. На прощанье Грек хлопнул Макса по плечу:

– Неплохой ты мужик. У нас это сразу открывается. Всегда готовы тебе помочь. Я думаю, нам с тобой есть о чем еще поговорить. Вот тебе мой телефон... Звони, если что. Да! Вот еще... – Грек протянул Максу пистолет. – Не забудь. В наше время это штука полезная в хозяйстве.

– Спасибо, отозвался Макс, забираясь в УАЗик. – Удачи вам. И привет Сержанту.

Когда УАЗик выехал на центральную улицу, Макс хлопнул водителя по плечу.

– Тормози.

Выйдя из машины Макс, на прощанье, махнул рукой и пошел по тротуару. Выпитая водка звала на подвиги, плечи трещали от избытка сил.

Макс зашел в бар под названием «Василек», известный сговорчивыми девочками и относительным спокойствием. В баре было сумрачно, на стойке телевизор стрелял длинными очередями вместе с героем какого-то западного боевика. Макс сел в угол в тень и заказал две бутылки пива. Через пару минут, получив и оплатив заказ, он откинулся на спинку кресла, и стал наблюдать. Хрупкая белокурая девушка за стойкой считала деньги, слегка шевеля пухлыми, но бледными губами. Бар был почти пуст, лишь за двумя столиками тихо сидели какие-то парочки, да за третьим шумно гуляла компания «братвы».

Девушка за стойкой, наконец, пересчитала деньги и, бросив настороженный взгляд на буйных юнцов, посмотрела в сторону Макса. Макс поймал ее взгляд и широко улыбнулся. Барменша разглядела в полутьме его знак внимания и смущенно улыбнулась в ответ, при этом

ее бледное лицо с тенями под глазами слегка зарделось. Макс уже хотел встать и подойти к ней, но тут кто-то из «братвы» заорал:

– Светка! Пива гони! Барменша вздрогнула и бросилась к холодильнику.

– Шустрее давай!

Макс недобро сощурился в сторону компании. Светка отнесла пиво и вернулась за стойку. На Макса она старалась не смотреть.

Через пять минут один из пацанов лет восемнадцати встал из-за стола и подошел к стойке. Некоторое время он о чем-то тихо беседовал с барменшей, при этом разговор ей явно не нравился. Вдруг парень схватил ее за руку и дернул к себе. Девушка перегнулась через стойку, а парень вцепился в ее шею и что-то зашипел в лицо.

«Ну, ты меня поняла?» – уловил Макс между взрывами по телевизору. Парень оттолкнул ее, обошел стойку, вошел внутрь и, снова схватив за руку, толкнул в сторону подсобки.

– Салака, к стойке! – гаркнул «джигит».

Из подсобки выпорхнула девица, приносящая Максу пиво, и подскочила к кассе. А Светка уже влетала в подсобку, подгоняемая тычками в спину.

Макс бросил взгляд через плечо – компания гуляла, не обращая внимания на происходящее. Макс одним глотком допил пиво, в два прыжка пересек полутемный зал и перемахнул через стойку.

В коридоре подсобки, тускло освещенном слабенькой лампочкой, барменша безуспешно отбивалась от пьяного пацана. Тот схватил ее одной рукой за грудь, а второй зажал рот. Девушка, наконец, смогла высвободить лицо и вскрикнула:

– Отпусти, ну пожалуйста!

Макс неслышно подошел вплотную и спокойно спросил:

– Может, помочь?

Парень дернулся, но, не успев развернуться, получил мощный удар по почкам. Макс схватил его за шею и ударил коленом в живот, а потом, не отпуская шеи, отшвырнул к двери.

– Пошел вон, ублюдок. Пацан вскочил на ноги, выбежал в зал и завопил:

– Чуваки, вставай, меня бьют!

Как ни глупо звучал его крик, ничего хорошего для Макса он не предвещал. Макс быстро огляделся и заметил обитую жостью дверь.

– Это что? – крикнул он дрожащей барменше. – Да успокойся ты!

– Склад.

– Ключи есть?

– Да.

– Открывай живо. Запасной выход есть?

– Есть, но он завален.

– Черт, пожарников на вас нет! Открывай склад.

Макс метнулся к дверям в зал и встретил первого вбегавшего сильнейшим прямым ударом в лицо, перебив переносицу. Пострадавший мешком свалился на пол. Через него перескочил второй юнец, тут же получивший ногой в пах и кулаком в ухо. Третьего Макс свалил страшным ударом локтя в висок. Эти трое уже не вставали. Четвертого Макс просто бросил через бедро и этим совершил грубейшую ошибку. До сих пор пацаны были вынуждены нападать на него через дверь по одному, а теперь брошенный на пол бандит поднялся и напал на Макса сзади. Макс развернулся и двумя ударами пресек это поползновение, но за это время в коридор выскочило уже трое нападавших.

«Плохо дело» – только успел подумать Макс и тут сзади раздался крик спасенной девушки:

– Сюда, скорее!

Макс рукой свалил на пол какой-то фанерный щит и, пока пацаны через него перебирались, залетел в склад, втолкнув перед собой девчонку, и защелкнул замок. Переведя дух Макс глянул на окно и скрипнул от досады зубами. Окно было забрано чугунной решеткой.

– Телефон есть?

– Здесь нет.

– Черт!

На дверь посыпались бешеные удары.

Макс посмотрел на девушку, которая прислонилась к полке и вся тряслась, и, вдруг, улыбнулся.

– Тебя Света, зовут?

– Дурак! – вдруг истерично крикнула Светка. – Какого черта ты полез? Тебя же пришьют!

– Твоя честь стоит моей ничтожной жизни, о, леди! – галантно расшаркался Макс.

– Да какая, к черту, честь?! Меня пол-конторы уже перетрахало! Блядь я! Не видно, что ли? – Светка с вызовом смотрела на Макса.

Он твердо посмотрел ей в глаза, и девушка не выдержала, и опустила взгляд, как-то сразу сникнув.

– Не болтала бы ты лишнего, а? – укоризненно произнес Макс.

Светка что-то пискнула, всхлипнула и, вдруг, закусив губу, сползла по стенке и завывала, давая слезы. Макс погладил ее плечо и потрепал по светлым волосам, поразившись их тонкости, почти невесомости.

– Ладно, перестань. Все будет О'кей. Вот увидишь.

Светка подняла голову, еще раз всхлипнула, вытерла по-детски кулаком слезы и сказала почти спокойно:

– Дверь слабая, ее скоро вышибут. А менты, если и приедут, ничего делать не будут, пока «братва» сама не разойдется. Они здесь прикормленные.

– Да мы и сами с усами, – усмехнулся Макс, доставая пистолет и снимая его с предохранителя. – Сейчас мы им покажем.

Макс открыл замок и провалившийся в открытую дверь «братан», получив рукояткой в лоб, затих у ног Макса. В узком коридоре выстрел грохнул, как артиллерийский разрыв.

– Стоять, козлы! Кто дернется – тут же пришью!

Штурмующие застыли.

– А ну, валите отсюда! Бегом, я сказал!!!

– Че, сильно крутой? – вякнул бритый салага, но, заглянув в черный зрачок пистолета, сразу скис.

– Я с вами цацкаться не стану, – уверил Макс и, уловив краем глаза, что чернявый юнец опустил руку в карман, напрягся. Через мгновение чернявый выхватил пистолет, но Макс был готов к этому. Снова грохнул выстрел и «боец» дико взвыл, схватившись за простреленную руку, а пистолет отлетел в сторону. Пацаны качнулись к Макс, но он, не дав им опомниться, опустил ствол и прострелил ногу еще одному. Тот рухнул на пол и принялся орать дурным голосом.

– А ну, собрали этих подранков, и бегом отсюда!

Повторять дважды не пришлось. Через минуту в подсобке никого не было. Макс не удержался, отвесил пинка замыкающему, захлопнул дверь и подобрал новенький «Кольт-питон», выбитый из руки чернявого.

– Классная машина, – пробормотал Макс, повертел «Кольт» в руках и сунул за пояс. Ошарашенная Светка выглядывала из дверей склада.

– Слушай, Рэмбо, – она с интересом досмотрела на Макса, оценила взглядом его дражные кроссовки, застиранные джинсы, потертую кожаную куртку, под которой просматривались широкие плечи. – Откуда ты взялся?

– Марсианин я. Не похож?

– Не очень. Но кто бы ты ни был, ты мне нравишься.

– Быстро же у тебя настроение меняется, – восхитился спаситель.

– Женщина я, что поделаешь. Но, слушай, тебе бежать нужно отсюда, да побыстрее. Мен-там не интересно, кого ты защищал, а вот твой пистолет их заинтересует.

– А тебе сматываться не надо?

– Пожалуй, надо. Так, через зал нельзя. Там, наверняка, ждут. Попробуем через черный ход. Можешь сдвинуть этот шкаф?

Макс хмыкнул и, после недолгой возни, сдвинул шкаф в сторону. Светка подошла к показавшейся двери, задержалась около Макса, улыбнулась ему и, неожиданно, поцеловала в губы.

– Спасибо, Рэмбо.

Она открыла замок, толкнула дверь и, вдруг, испуганно вскрикнув, дернулась всем телом назад, захлопнула дверь и как-то устало привалилась к косяку.

– Что такое? – Макс выхватил пистолет.

Светка не ответила, только рука на дверной ручке побелела от напряжения.

– Да что с тобой?!

Светка тяжело вздохнула и стала сползать по двери. Макс подскочил к ней, схватил за плечи и повернул к себе. Светкино лицо было совершенно белым, широко открытые глаза смотрели с детским испугом.левой рукой она зажимала рану на животе, между бледных пальцев ослепительно ало струилась кровь. Пятно на белой блузке становилось все больше прямо на глазах. Макс подхватил девушку под мышки, оттащил от двери и прислонил к стене.

– Как же это? – прошептала Светка, помолчала секунду, слабо улыбнулась и добавила. – А знаешь, совсем не больно. Просто ударило что-то, и сразу кровь потекла. Я испугалась, а так совсем не больно. Блузку испортила. Теперь не отстираешь, да еще дырка.

– Не разговаривай. Дай я рану посмотрю.

– Не надо. Ничего там нет. Дырочка и все. Слушай, меня убили, да?

– Нет, от таких ран не умирают. Тебе даже в кишки не попало. Так, слегка бок пробило. Переваришь.

– Блин, шрам останется. Беги, Рэмбо, скоро менты будут.

– А ты?

– А зачем? Они меня сами в больницу и отвезут, а я скажу, что ты был рыжий, маленький и хромой.

– Ладно, – поднимаясь, улыбнулся Макс.

– Рэмбо, – жалобно прошептала Светка. – Миленький, найди меня потом, пожалуйста. Я не хочу так сразу и глупо терять первого настоящего парня в своей жизни.

– Найду, – твердо сказал Макс. – Обещаю.

Светка закрыла глаза и почти неслышно выдохнула:

– Поцелуй меня.

Макс присел, ласково взъерошил ее волосы и тихонько поцеловал в губы. Она благодарно улыбнулась, попыталась привстать и, вдруг, охнув от внезапной боли, потеряла сознание. Макс скрипнул зубами, уложил ее поудобней, и прошептал:

– Полежи, а у меня есть еще пара вопросов к мальчикам.

Макс лег и глянул в щель между дверью и полом. Во дворе стояли две «девятки» цвета «мокрый асфальт». Три парня держали под прицелом дверь, двое – окно склада. У одного из них на ствол пистолета был наведен глушитель. Видимо, он и подстрелил новую знакомую Макса.

– Суки... – сквозь зубы процедил Макс.

Чуть привстав, он открыл замок, приготовил пистолет и снова лег на пол. Потом шумно втянул в себя воздух и вместе с выдохом резко ударил по двери. Дверь распахнулась. В тот

же момент с улицы ударили выстрелы. Но парни целились в середину проема и пули только испортили штукатурку в подсобке. Одновременно начал стрельбу и Макс. Стрелять лежа было очень удобно, прямо как в тире. Мишени стояли близко, в полный рост. Двое упали сразу – одному из них Макс прострелил плечо, второму пуля попала прямо в лоб. Третий получил девять граммов в спину, когда пытался забежать за машину. Оставшиеся двое все-таки успели спрятаться и открыли беспорядочную стрельбу. Макс откатился в сторону ну и сменил обойму. Он посмотрел, хорошо ли Светка укрыта от пуль и тут вдалеке как-то робко зазвучала милицейская сирена. Стрельба тут же прекратилась, а еще через десять секунд две «девятки» вылетели со двора, увозя раненых.

Макс усмехнулся: «5:1. Труп и четверо раненых за дырку в боку. Неплохой счет.» Макс первый раз в жизни убил человека, но не испытывал никаких сложных чувств, о которых много раз читал в книгах. Ему только хотелось уложить еще пару-тройку подонков. Макс положил пистолет в карман и, пройдя через пустой зал, вышел на улицу. Он отошел немного, и тут из-за поворота вылетели сразу три милицейских УАЗика. Из них выскочили люди в форме, с автоматами и в бронежилетах. Макс развернулся и спокойно пошел по тротуару. От противоположной стороны дороги отъехала машина с затемненными стеклами, развернулась и медленно поехала за Максом. Сердце лихорадочно забилося. «Черт, никак не отвязнутся!»

Макс хорошо знал этот район, поэтому план созрел моментально. Он рванул бегом. За спиной сразу же взревел мотор.

Не оглядываясь, Макс свернул в проход между домами и вбежал во двор, который, к счастью, был пуст. Он выхватил пистолет и приготовился. Через несколько секунд, визжа тормозами, во двор влетела такая же, как и те две, «асфальтовая» «девятка» и Макс хладнокровно начал расстрел. Восемь пуль пробили лобовое стекло веером, с интервалом в двадцать сантиметров, с ужасающей точностью, словно стрелял не человек, а робот-снайпер. Машина вильнула и врезалась в стену дома, осыпав тротуар осколками стекла и кирпича. Макс отскочил за мусорный ящик, швырнул пустой «Макар» на землю, выдернул из-за пояса «Кольт» и затаился.

Из машины никто не выходил, только гудел вентилятор охлаждения и слабо шипел пар, вырываясь из пробитого радиатора.

Подождав пару минут Макс, уже не таясь, подобрал пистолет и вышел. «Хорошо, что приехали простые менты, а не СОБР. От тех бы я так просто не отделался» – посетила его запоздалая мысль. Он попытался унять прорвавшуюся вдруг дрожь в ногах, но потом плюнул и, сунув подрагивающие руки в карманы, быстро скрылся за сараями.

Через час, попетляв по дворам и стройкам, Макс, наконец, попал домой и сразу же кинулся к телефону. Порывшись в карманах, он выудил нужный клочок газеты с цифрами, и набрал номер. После шести гудков /Макс обычно ждал до семи/ в трубке что-то щелкнуло, и злой женский голос спросил:

– Ну, кто еще?

– Грека... Извините, позовите, пожалуйста, Сергея.

– Нет его.

– Позови, не лмайся. Трубка чертыхнулась и через полминуты ответила голосом Грека, тоже не очень любезным:

– Слушаю.

– Сергей, извини, что отрываю от амура, но у меня возникли кое-какие проблемы. Это Макс, журналист, – добавил он, по молчанию догадавшись, что Грек его не узнал.

– А, Олежка! – совсем другим тоном ответила трубка. – Ну, что там у тебя? Выкладывай.

– Я, кажется, влип в крутую историю со стрельбой, погонями, убитыми и ранеными.

– Конкретней, – скомандовал Грек.

– Час назад в «Васильке» я схватился с какими-то сопляками...

– С кем, конкретно?

– Не знаю. Они для меня все на одно лицо. «Братва». Пацаны от шестнадцати до двадцати. Вроде бы «Василек» под ними.

– Ну, дальше, с этим разберемся.

– Так вот, в баре я с ними поцапался, началась драка, двоим-троим я навалял, но их было слишком много, пришлось ствол доставать и прострелить двоим конечности. Они смылись, а когда я тоже хотел уйти, начали стрелять. Подстрелили местную барменшу. Я ответил, завалил троих. Одного, кажется, насовсем. Потом пытались меня достать на тачке, но я и этих уложил. Все. Что посоветуешь?

– Из-за чего все началось?

– Ну-у...

– Женщина?

– Угу.

– Барменша?

– Угу.

– Ох уж, эти бабы! – ругнулся «афганец». – Ладно, сиди дома, я через часок позвоню. Смотри, никуда не высывайся.

– Идет.

Грек помолчал и спросил:

– Как хоть девочка? Ничего? Стоило биться?

– Что надо, – улыбнулся Макс.

– Здорово ее попортили?

– Нет, пару недель поваляется и все.

– Ну, ладно, д'Артаньян, жди звонка.

Трубка прерывисто загудела. Макс положил ее на рычаг и потянулся к сигаретам.

В табачном дыму истлели полтора часа и пятнадцать сигарет. Макс не знал, что и думать, но тут телефон взорвался трелью. Голос Грека в трубке произнес встревожено:

– Так, Олежка, слушай внимательно, все, что пока удалось установить. Ты схлестнулся с боевиками «пятаков». Есть такая команда – держат центральный рынок и наперсточников по всему городу. Живут, в основном, этим, но не только. Если кому-то лень заниматься вышибанием бабок с должников – обращаются к «пятакам». Эта салажня не брезгует ни чем. Руки в крови по локоть у всех до одного. В основном, это малолетки, но есть, конечно, и постарше – те, у кого мозги в бицепсы ушли. Неплохо организованы, хотя особо много денег не имеют – слишком молоды. Техникой и оружием их снабжают почти все команды в городе, так как они ни с кем не воюют, четко держат субординацию. Народу у них много, но, в основном, салажня. У «пятаков» они проходят обкатку, «курс молодого бойца», так сказать, а дальше, кто выживет, идут вверх разными путями. Может, потому у них и хорошие отношения со всей «братвой», что бывшие «пятаки» есть почти во всех «конторах». Старшие «пятаки» – те, кому больше восемнадцати – приближены к своему боссу и составляют костяк команды. Эти очень хорошо подготовлены. Отличить «пятаков» можно по возрасту и по тачкам – первые две цифры номера – пятерки.

– Спасибо, я тебя понял.

– Не перебивай, самое интересное дальше. У «пятаков» очень строгая иерархия. Мелочь ездит на «шестерах» и «Москвичах». Основная часть – на «восьмерках» и «девятках». У «центровых» – иномарки, в основном «Форды». А у старших – тех, что приближены к «персоне» – излюбленная тачка – это «асфальтовая» «девятка» с форсированным движком. Догоняешь что-нибудь?

Макс подавленно молчал. Дело было даже хуже, чем он предполагал.

– Я чувю, ты въехал. Совершенно верно. Ты попал на день рождения одного из старших. Мелкоты там, конечно, тоже было навалом, но, к сожалению, им ты только руки-ноги поломал, а вот ради старших ты расстарался. Ты хоть знаешь свои результаты?

– Нет.

– Ага. Значит, я тебя удивлю. Потери «бойцов» – двое с огнестрельных ранениями – в руку и ногу; двое просто с телесными повреждениями разной степени тяжести. Потери старших – один ранен в плечо – не сильно, второй в реанимации с простреленным легким, и трое уже в руках паталогоанатомов.

– Трое?! – поразился Макс.

– Мало? Не переживай, тот, что с пробитым легким, похоже, тоже помрет. У него разорван бронх и, к тому же, сердце слабенькое.

– У меня такое ощущение, что ты это с какого-то листочка читаешь.

– Так и есть. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Откуда я все это узнал?

– Ага.

– Если все будет о'кей, то потом и ты узнаешь. А пока – меньше знаешь, лучше спишь. Да, и еще. Я думал, может тебе будет интересно. Некая Светлана Ивлева поступила сегодня в хирургическое отделение четвертой горбольницы с огнестрельным ранением брюшной полости. Операция произведена, состояние – в норме. Палата двести одиннадцать.

– Серег, ну ты... – только и смог произнести Макс.

– Не за что. В данный момент я связываюсь с Сержантом. Сиди дома и носа не высовывай. Скоро я за тобой заеду. Уу-уу-уу.

Макс не сразу сообразил, что Грек уже положил трубку. Бесплезный пустой «Макар» лежал на телевизоре, а «Кольт» с шестью патронами в барабане – в руке. Делать нечего – оставалась только ждать.

– Ну, здравствуй, хлопец.

Максу будто выстрелили в ухо. Он подпрыгнул на диване и, ничего не соображая после сна, дико вытаращился на трех мужиков, находившихся в комнате. Только секунд через десять он осознал, что одним из них был Грек.

– Общение с моими ребятами на тебя плохо подействовало, – медленно произнес плотный невысокий мужчина лет сорока с уже хорошо заметной залысиной на лбу, которая, впрочем, его совсем не портила, а даже наоборот, добавляла солидности, даже увесисости.

– Ты...ты – Сержант?

– Молодец. Соображаешь быстро. Повисло неловкое молчание. Хотя, неловкость ощущал, пожалуй, только Макс. Грек о чем – то задумался, пиная ногой ваявшуюся на полу сигаретную пачку. Сержант прошелся по комнате, осмотрел книжные полки, выглянул в окно, причем проделал это все с таким видом, будто пришел проводить обыск. Третий же стоял у двери, не глядя на Макса и абсолютно не реагируя на происходящее в комнате. Сержант, наконец, закончил осмотр достопримечательностей квартиры.

– Ну, что, хлопец, рассказывай, – легендарный и неуловимый «хозяин» афганского братства присел на краешек стола и закурил «беломорину», предварительно постучав мундштуком папиросы по ногтю большого пальца левой руки. На левой кисти не хватало большого и указательного пальца. «Как у Ельцина» – непроизвольно подумал Макс.

– Я...Ну... – начал речь «залетчик». – А что, в принципе, вы хотите знать?

– Что, в принципе, я хочу знать? – медленно, почти по слогам, повторил Сержант. – Похоже, что ничего. Мне уже все рассказали. Та-ак, слушай сюда, хлопец. Ты, наверное, в курсе ситуации – у нас кое-какие неприятности вышли с братьями-рэкетирами. Неприятности эти означают то, что какое-то время мы не сможем отвлекаться на другие дела, особенно, если они тоже грозят неприятностями. Сам понимаешь, на два Фронта воевать трудновато даже нам. В

общем, похоже, хлопец, что мы не сможем тебе помочь. Мне очень жаль, я связывал с тобой кое-какие планы.

– Кажется, вы меня уже схоронили, – угрюмо проговорил Макс.

– Да нет, конечно. Но, если честно, я тебе не завидую.

Грек пнул несчастную коробку так, что она пролетела, через всю комнату и юркнула под диван.

– Сержант... – начал было он, но осекся под пристальным взглядом и виновато опустил глаза.

– Может, хоть советом поможете? – невесело усмехнулся Макс. – Только, если бесплатно – у меня напряженка с «деревом».

Кусается! – изумился Сержант. – Ладно, не злись. Я действительно не могу помочь. Если мы схлестнемся сразу и с «гордеевцами» и с «пятаками», у нас будет много потерь, а у меня даже в Афгане была одна задача – чтобы пацаны домой вернулись. Вот ты парень неплохой, неглупый – во сколько жизней моих парней ты себя оценишь?

Макс подавленно молчал.

Вот так-то. Не думай, что мне на тебя совсем плевать. Но если я за тебя впрягусь, придется воевать с «пятаками». После того, что ты им устроил, они за твою голову еще десять своих положат – дело чести! К тому же они знают о наших разборках с Гордеем, так что переговоры не помогут. Чтобы прикрыть тебя в такой ситуации, пришлось бы пожертвовать несколькими моими ребятами. Прости, но я буду честен – для меня ты не стоишь и одного.

– Я понимаю, – вздохнул Макс.

– А насчет совета... Сидеть дома можно пару дней, но тебя, все равно, рано или поздно, вычислят. Всю жизнь не высидишь, а такие вещи они не забывают. Крутиться тебе придется вовсю. Ментов, особо, не бойся, но и не зарывайся – они тоже люди, на наглость могут обидеться. Если попадешь к ментам – не сопротивляйся, пришьют только так. А из камеры я тебя вытащить могу – попроси любого дежурного связаться со мной и передать весточку. Остальное – мое дело. Это, конечно, в том случае, если тебя не возьмут с горячим стволом у теплого трупа. В бутылку не лезь. В твоём положении лучше сбежать, чем бросаться в бессмысленную драку. Лоб в лоб у тебя шансов нет. Постарайся никого не притащить домой. Если сумеешь продержаться недели две-три, а лучше месяц, может быть, я даже постараюсь тебе помочь, когда с Гордеем разберемся.

– У меня есть шансы?

– Есть. Но... не очень высокие. Тебе могут помочь только осторожность, интуиция и реакция.

– Ладно. Можно еще вопрос?

– Валяй.

– Ты пришел ко мне только за тем, чтобы отказать. Неужели я такая важная персона, что ради меня стоило топтать ботинки? Гроза городской мафии расплющил окурочек в пепельнице:

– Сейчас у тебя есть на меня обида. Если бы с моим ответом пришел Грек, ты бы обиделся на него. А я привык за свои дела отвечать сам. Не люблю прикрываться. Я же Сержант, а не офицер.

– Ну, и просьба еще.

– Какая?

– Если не трудно, помогите с патронами, а?

– Это можно. Какие тебе?

– Макаровские. И, если, вдруг, есть, для «Кольта» 45-го.

– А где стволы?

– Вот... – Макс оглянулся и похолодел. Ни «Питона», ни «Макара» не было. Сержант выдержал паузу и усмехнулся:

– Начинай привыкать. Ты сейчас зверь, обложенный со всех сторон. Мало уметь кусаться, надо еще иметь звериное чутье и осторожность. Держи. Оба пистолета упали на диван рядом с Максом.

– Мужики, скинемся, – сказал Сержант, и сам достал из кармана запасную обойму. Грек добавил еще две, вынув одну из пистолета, а третий «афганец» выщелкнул патроны из трех обойм, сами обоймы оставив себе.

– Завтра Грек еще привезет. А от меня вот еще подарок, – Сержант протянул Максу два предмета, похожие на запасные барабаны для револьвера.

– А что это?

– Спидлоудер. Устройство для скоростного перезаряжания револьвера. Откидываешь барабан, выталкиваешь гильзы и вставляешь сразу шесть патронов, а не по одному. И все. Кстати, твой «Кольт» не 45-го калибра, а под особый патрон «Магнум 357». Довольно дефицитная штука, не путай.

– Спасибо, Сержант, вы меня здорово выручили.

– Ну, лады. Попробуй продержаться. Честно говоря, ты мне нравишься. Будь здоров.

Все трое подошли к двери. Первым вышел тот, что проторчал у входа всю беседу не проронив ни слова. Через несколько секунд он заглянул в квартиру и молча кивнул. Грек уже в дверях обернулся и успокаивающе улыбнулся:

– Не дрейфь, Макс. Я что-нибудь придумаю. Так?

– Так, – подтвердил Макс без особого энтузиазма.

Когда дверь закрылась, Олег натянул свитер и задумался. На душе было тяжело и что-то противно посасывало внизу живота. Макс вздохнул, промел на кухню и открыл холодильник. На душе стало еще тоскливей.

Макс заметил этих трех громил-башколомов сразу, как только зашел на рынок. И, к сожалению, похоже, что они тоже обратили на него внимание раньше, чем он успел ретироваться.

...Макс добросовестно отсидел дома сутки, дождался, когда Грек привез ему на следующий день обещанные патроны – по пачке для ПМ и для «Кольта», но когда Грек ушел и Макс сообразил, что забыл попросить его принести хоть что-нибудь поесть, желудок завыл так истошно, что Макс выскочил на улицу, забыв про всякую осторожность.

В магазине он купил мяса, консервов, соли, хлеба, но ему вдруг захотелось пива и соленой рыбы так, как будто он был беременным. Вобла продавалась только на рынке и, не справившись с этой прихотью, Макс решил рискнуть, и пожалел об этом сразу, как только увидел этих горилл. Одного из них Макс видел в «Васильке» и тот, видимо, Макса тоже запомнил. Олег понял это, когда вся троица, расталкивая покупателей, ринулась за ним, как только он направился к дверям.

Соблюдая достоинство Макс спокойно вышел на прирыночную площадку но, увидев, что до преследователей осталось не больше тридцати метров рванул изо всех сил. Завернув за угол, он увидел три «асфальтовых» «девятки» и понял, что дело хуже, чем он даже думал.

«Вот ведь, блин, везет, как Му-му – успел подумать беглец. – Опять на „серьезных“ нарвался».

Потом была бешеная гонка по закоулкам, куда Макс завел погоню, чтобы те не могли воспользоваться машинами. Но эти места Макс знал хуже, чем окрестности «Василька» и, поэтому, вскоре оказался в глухом дворе, который принял за проходной. Бежать в подъезд не было смысла, и Макс приготовился к драке. Первого он принял лихим круговым ударом пяткой в ухо, но тотчас же сам согнулся от двух ударов – ногой в живот и кулаком в челюсть. «Пятаки», явно не были джентльменами, и очередь соблюдать не собирались.

Макс устоял и, блокировав пару «наваров», сам врезал кому-то между ног, но тут на его затылок обрушился страшный удар и он рухнул на колени. Удары сыпались один за другим, жесткие, деревянные, с такой частотой, будто он попал под обвал поленицы на дровяном складе – по спине, в живот, по ногам, в голову. Макс скрючился на земле, прикрывая затылок, но шансов не было.

«Хана», – догадался он за секунду до того, как от удара ногой по виску вдруг вспыхнул неземной свет, а потом все погасло.

Сквозь тьму он услышал страшный взрыв, потом еще два. Какие-то крики, хотя бить «пятак» было уже, в общем-то, некого. Потом он почувствовал удары по лицу, и сознание нехотя вернулось. Когда способность соображать восстановилась, Макс просто себе не поверил. По щекам его хлестал Кирилл. У входа во двор стоял Касым, живописно держа двумя согнутыми руками пистолет, направленный стволом в небо. Грек держал на мушке «пятаков», лежавших лицом в грязный асфальт.

Но, черт возьми... – промычал Макс, стоя на четвереньках и мотая головой.

Потом, – оборвал Грек. – Надо сматываться.

– А с этими что делать? – спросил Кирилл, кивнув на «пятаков». – Если их оставить, они бучу поднимут.

– Да-а... – протянул Грек. – Вот, черт, положение. Просто так взять и пришить?

– Ну, давай в плен возьмем.

– Умник хренов. Ты то как? – Грек посмотрел на Макса, уже поднявшегося на ноги, но еще мотавшегося, как пьяный боцман.

– Нормально, – простонал Макс и выхаркнул сгусток крови.

– Ну и видок. Что же делать? Надо было их сразу пришить, когда прибежали. А так... Не знаю.

– Это вы стреляли? – уже почти своим голосом спросил Макс.

– Да. Киря бахнул в воздух. Двое сразу попадали, а этот, – Грек кивнул на «пятака», лежавшего в растекающейся масляной красной луже, – успел пушку вытащить. Ну, мы с Касым в два ствола его уложили. Четко – в лоб и в сердце. Надо было всех троих сразу. В бою убивать легко. А так... Не знаю.

– Я знаю, – вдруг заявил Касым. – Идите. Я вас догоню. Я в Афгане часто с царандоями мотался, – пояснил он Макс, который все равно ничего не понял.

Когда он вместе с Греком и Кириллом вышли со двора, там, с интервалом в две-три секунды, сухо щелкнули два выстрела. Вскоре Касым догнал их и они все вчетвером сели в «фирменный» УАЗик «Саланга», стоявший в двух домах от того злополучного двора.

– Ближе мы подъехать не смогли, – объяснил Грек. – Ты их завел в такую дыру, что не проехать. Если б ты решил подраться пораньше, то, скорее всего, был бы целее.

– Слушайте, как же вы, все-таки, здесь очутились? Просветите неразумного.

Касым спокойно насвистывал вечную «Ламбаду», Кирилл докуривал, высунувшись в снятое окошко, Грек сосредоточенно вел машину. Через минуту он, все же смиростившись:

– Мы вчера посоветовались и решили тебя чуток попасти. Абы-кабы чего не вышло. И, как видишь, не зря.

– Кто это – «мы»?

– Вообще-то предложил Киря. А мы с Касымом согласились.

– А Сержант?

Он не знает. И лучше будет, если не узнает. Для нас лучше.

Макс помолчал и сказал смущенно:

– Спасибо мужики. Я...

– Брось, – перебил Кирилл. – Лучше скажи, почему ты пистолетом не воспользовался?

– А? Не знаю, – сам удивился Макс. – Как-то даже не подумал.

– Надо думать, – Касым ткнул себя пальцем в лоб. – Поверь мне, чужая жизнь стоит дешевле, чем твоя. Если есть угроза – убивай не думая. Если будешь думать – не сможешь убить. А в общем-то это легко. Главное не думать об этом, – повторил Касым.

– Да, кстати, – вспомнил Кирилл. – Держи свою хавку.

Макс пораженно уставился на собственную сумку с только что купленными продуктами. Где он ее посеял, он не вспомнил бы и под угрозой осклопления.

– Ты из-за этого гулять пошел? – осведомился Грек.

– Ага.

– А меня попросить не мог?

– Забыл, понимаешь. Слушай, Касым, а что ты про каких-то царандоев говорил? – поспешил сменить тему спасенный.

– А-а, сейчас расскажу. Царандой – это афганская милиция. Ходили в серой форме, как и наши менты. Мы их «волками» звали. Зверствовали они страшно. Наши по сравнению с ними – просто воспитателями в детском саду казались. Свои всегда хуже чужих, страшнее. Правда, честно говоря, были еще пострашнее. ХАД – местная госбезопасность. ЧК, по-нашему. Да не забудет о них аллах. Так вот. Я пол жизни провел в Таджикистане. У меня бабушка – таджичка. По-таджикски я хорошо говорю, а в Афгане это очень распространенный язык. Вот и приставили меня к одному полковнику-советнику переводить. А он действия наших парней с этим зверьем координировал. Пришлось мне поездить с ними. Насмотрелся – во! – Касым резко провел ладонью по горлу. – В кишлаках они своих же вырезали. Ножам! Чтоб патроны не тратить. А на совместных операциях нашим в спины стреляли.

– Это не ново. У нас такое дерьмо в ЧК шло, а у них в царандой и ХАД. Помнишь: кто был ничем, тот станет всем. Вернее, хочет стать всем, а на деле так и остается мразью. Жажда власти плюс садизм, – вставил Грек.

– Да-а. Там и научился я убивать, – продолжал Касым. – А один раз даже удовольствие от этого получил. Как-то спустили им постановление из Кабула, что, мол, мародеров расстреливать. А их тогда всех до одного можно было бы к стенке ставить. Ну, их командир отловил четверых, которые ему лично не нравились, а точку поставить попросил меня, что бы, так сказать, акт интернациональной дружбы продемонстрировать. Вывел я их на глазах всего кишлака. Поставил к дувалу и всадил весь рожок с десяти метров. А потом перевернул – и еще один. Уже в лежащих. Меня после этого «акта» быстренько в часть перевели, и в разведроту – как в наказание. А мне в радость, – Касым сплюнул и замолчал.

«А ведь действительно, убивать не так уж и трудно», – подумал Олег. – «На моем счету уже три, а то и четыре трупа. И ничего. Никаких угрызений. Главное, как говорит Касым, не задумываться. Вообразил себя героем какого-нибудь боевика – и вперед. Клюквенный сок вместо крови, восторг зрителей и хэппи-энд.»

Через десять минут все четверо уже сидели у Макса дома. Грек с Касымом вскоре уехали «на базу», а Кирилл остался с Максом. Олег приготовил обед. Через полчаса, уставший от сытости, он двинулся в ванную, чтобы принять душ, и тут дверь с грохотом распахнулась. Макс метнулся к пистолету, который лежал на кухне, вполне осознавая, что все равно не успеет. К счастью, в коридор влетел всего лишь запыхавшийся Грек и через секунду из комнаты выскочил Кирилл с пистолетом.

– Началось! – выдохнул Грек.

– Что началось? – спросил Макс, поеживаясь в трусах.

Час назад «гордеевцы» были в «Саланге» и устроили погром. Одного охранника убили – Борьку Челышева. Сержант назначил сбор.

Кирилл кивнул и стал натягивать куртку.

– Погодь, Киря. Тебе лучше остаться с Олегом. Ему тоже одному нельзя. Ты у нас недавно, тебя мало кто знает. А если останется Касым, мы Олега еще и Гордею подставим. Ну, а мне, сам понимаешь, положено.

– Ясно, только...

Не волнуйся. Я с Сержантом уже говорил. Втык, конечно, получил по первое число, но все уладилось. А ребята сами спрашивали, что с Олегом. Похоже, ты им понравился. Вопросов не будет, Киря, все нормально.

– Хорошо.

– Так. Я вам кой-че принес, – Грек наставил на пол довольно большую спортивную сумку. – Тут еще два «ствола», патроны, пара гранат, уоки-токи, консервы, сигареты, водка. Только не напивайтесь.

– Ладно.

– Так. Что еще? Если что понадобится, Кирь, звони на «базу». Мы с Касымом будем вас проверять. Не скучайте.

– А где Касым?

– Внизу, в тачке. Да! Мы теперь на «восьмерках». Если где увидите «Саланговские» УАЗы – сообщите. Из клуба их три штуки угнали. Ну, все, я пошел. Держите связь, и без надобности не высывайтесь. Лады?

– Лады! – в один голос ответили Кирилл с Максом.

Когда дверь за Греком закрылась, Кирилл потер стволом пистолета висок и молча вернулся в комнату. Макс взял сумку, которую принес Грек и подошел к Кириллу.

Тебе хочется к своим?

Кирилл промолчал.

– Не насилуй себя, я поумнел и теперь за себя постоять смогу.

– Не в этом дело, – отмахнулся Кирилл. – Я все равно бы от тебя не ушел. Вот только сидеть сиднем обидно.

Макс подбросил в руке гранату. Кругленькую, как яичко и военно-зеленую. Она была похожа на плод киви.

– Погром был там, куда меня привозили?

– Нет, это «база». Туда бы они не сунулись. «Саланг» – это военно-спортивный клуб. Мы там с пацанами занимались. Ну, и под свою тренировочную базу использовали.

– А этот Борька, кто он... был?

– Здоровый ушастый добряк. Молодой, еще двадцати пяти не было. Служил в Таджикистане, на границе с Афганом.

– Пошли на кухню, есть дело, – Макс положил гранату в сумку, взял ее за ремень и вышел.

На кухне он достал два стакана, набран в кружку воды и открыл банку консервов. Кирилл зашел и сел в угол. Макс открыл бутылку водки и положил на стол пачку «Астры».

– Потолкуем?

Через час, когда бутылка была прикончена, Кирилл откинулся на спинку стула и сказал:

– Все это, конечно, кино, но лучше так, чем просто яйца высидивать.

Остаток вечера они провели у телевизора, приводя в порядок оружие и напряженно вслушиваясь в сводки местных новостей. Передавали только страсти, связанные с провалившимся на днях очередным аукционом недвижимости и прочую ерунду.

Макс вышел из подъезда и, прищурившись, посмотрел на солнце. Так смотрят на солнце зэки, отмотавшие срок и вышедшие на свободу. Макс чувствовал в себе силу, которая удваивалась тяжестью «Кольта» подмышкой и приятной неудобностью «макара», заткнутого за пояс брюк за спиной. Кирилл, потягиваясь, вышел следом.

– По «бродвею»? – спросил Макс, и его новый друг утвердительно кивнул.

Нарушая все здравые советы и правила осторожности, они вышли на бульвар, набитый под завязку коммерческими ларьками и стриженными «молотками» и твердой походкой, плечом к плечу, двинулись навстречу приключениям. И они не заставили себя ждать.

Через пятнадцать минут Макс увидел запертые двери магазина, которым владел его давний знакомый. Ему показалось странным, что в разгар дня магазин закрыт.

– Зайдем?

– Давай, – согласился Кирилл.

Макс постучал в служебную дверь. Через несколько секунд дверь приоткрылся и из нее выглянул невысокий мужчина лет тридцати с испуганными глазами на приятном лице.

– А-а, Макс, привет, – мужчина настороженно посмотрел на Кирилла.

– Это мой друг, – успокоил его Макс.

– Заходите, – мужчина посторонился, пропуская гостей.

Кирилл окинул взглядом подсобку, заставленную ящиками с иностранными надписями, и поцокал языком.

– Это Миша, бизнесмен, надежда возрождающейся России, – представил Макс хозяина магазина. – Как жизнь, Миш? Все цветешь? Ларису батьковну так и не пускаешь на работу? Да что ты, в самом деле, как профессор Плейшнер! – возмутился он, когда «надежда России» в третий раз выглянул в окно, слегка отодвинув занавеску.

Что-что! Да ничего! – бизнесмен забегал по подсобке, каким-то чудом умудряясь лавировать между многочисленными коробками, не задевая их. – Вот ты, Макс, умный, посоветуй. Я не знаю что делать.

– И я не знаю, пока ты мне не скажешь, что случилось.

– Скажи ему! Сейчас скажу, только толку – во! – Миша показал фигу, сложенную из пухлых пальцев.

– Забодал! – процедил Макс. – возьми себя в руки, директор.

Миша подскочил к шкафу, вытащил початую бутылку коньяка и отхлебнул из горлышка, при этом Макс удивленно вытаращил глаза. Миша плюхнулся в кресло, закурил «Кэмел» и, подтолкнув пачку гостям, начал:

– Наехали на меня, Олежка. И крепко.

– Кто?

– «Болты».

– Слушай, ты уже три года работаешь. И вдруг наезд?

– Вот так вот. Я сам не понимаю, – Миша достал платочек и дрожащими руками отер шею.

– Ты раньше с ними работал?

– Нет, с Юго-западскими.

– С Чикуном?

– Нет, с Гордеем.

Макс с Кириллом переглянулись.

– Теперь кое-что понятно становится, – протянул Макс.

– Что понятно?

– Да нет, я так, к слову. Чего они хотят?

– Пять «штук».

– На пузырь не хватало?

– Зеленых, естественно.

– Есть у тебя?

– Откуда?

– Да ладно, не прибедняйся.

– Если бы были! Если бы были! – чуть не закричал в отчаянии Миша. – Неделю назад два трейлера в Узбекистан отправил. Все бабки там!

– А когда они вернутся?

– Ну и что? Через две недели, если на таможне не тормознут. А товар еще и продать нужно!

– Ждать не хотят?

– Сегодня «баксы» нужны. Сегодня!

– Что-то крутовато, – вставил Кирилл. – Пять штук, да еще в такие сроки! Это бандитизм. Так уж сейчас никто не делает.

Миша снова глотнул из бутылки, достал из ящичка шоколадку, нервно разорвал обертку и закусил.

Лариску забрали, сволочи. Присоединяйтесь, – кивнул он на бутылку.

Макс подскочил на стуле:

– Как забрали? Когда?

– Вчера, пока я в магазине был. Прямо из квартиры. Мне сюда позвонили и дали ей трубку.

– Дала! – почесал затылок Кирилл. – Ну, и что думаешь?

– Не знаю! Не знаю! Не знаю! – заорал толстяк и, вскочив, снова забежал по подсобке. – Денег нет! Гордея нет! Шансов нет! Они обещали Ларку вернуть по кусочкам.

Миша рванулся к бутылке, но Макс ловко выхватил ее почти из рук и, завернув пробку, сунул в карман. Миша тут же достал из ящичка другую и, свернув ей шею, запрокинул в рот.

– Ну, вот что, директор, – разозлился Макс. – Прежде всего, если хочешь получить ее целиком, прекрати истерику. Еще раз глотнешь, засуну тебе этот пузырь в горло вместе с зубами. Можешь занять?

– Что? Пять штук? Сдурел? Кто в наше время дает такие бабки взаймы? Да еще при таких делах! Я вчера еще не знал ничего, а мне уже все кредиты закрыли. Город ведь маленький!

– Тогда давай думать, как ее оттуда вытащить.

– Не надо, ради Христа! – чуть не плача взвыл Миша. – Ты что, самый крутой в городе? Материал хочешь на натуре добывать?

– Ладно, Мишок, – вдруг сразу согласился Макс. – Действительно, мне это не по зубам. Может, я помогу договориться? Где ты им должен деньги отдать?

– На рынке, возле углового «комка». В семь. Только приходить не надо. Если они подумают, что я разболтал, всем каюк. А так, может, что и выйдет.

– Не дрейфь, директор, все обойдется, – сказал Макс, поднимаясь со стула. – Мы пойдем. Завтра я заскочу узнать.

Уже на выходе Кирилл обернулся и, глядя в глаза Мише, тихо сказал:

– Я тебе кричу, все будет о'кей. Только не передергайся.

– Я понял, что ты задумал, – продолжил он на улице, обращаясь уже к Макс. – Рисковый ты чувак. Впрочем, ты одиночка. Мы одиночки, – поправился он тут же. – Мы рискуем только собой. Но надо подготовиться. Иди домой, я через час буду на тачке. А ты подготовь все к делу.

Через час Кирилл на неброской белой «восьмерке» с помятыми крыльями подъехал к подъезду. Вместе с Максом они до самого вечера готовились к операции. Оба надели черные тренировочные брюки и черные куртки. Кирилл принес две черные лыжные шапки, закрывающие все лицо, оставляя только щель идя глаз. Один пистолет за пояс и один подмышку. Макс не смог удержаться и взял «Кольт», хотя патронов к нему было немного. Свою гордость – самодельный нож из медицинской стали, с роговой рукояткой, пилкой и лезвием длиной двадцать пять сантиметров, подарок отца, Макс в ножнах пристроил на поясе за спиной. Нож был пре красно сбалансирован и привычен – Макс мог не глядя метнуть его в цель на десять

метров без опаски за результат. И еще один нож, с выкидным лезвием, Макс пристегнул к правой лодыжке. Увидев нож Кирилла, Макс застыл в немом восхищении – огромный тесак с широким вороненым лезвием, чтобы не блестело в темноте, и рифленой серой пластиковой рукоятью привел его в трепет.

– Говорят, именно такой нож был у Рэмбо, – сказал Кирилл, демонстрируя отвинчивающуюся рукоятку, внутри которой было скрыто множество приспособлений, облегчающих жизнь владельца этого смертоносного чуда.

Рассовав по карманам гранаты и запасные обоймы, Макс пристроил в специальную петлю за пазухой нунчаки, и положил в нагрудный карман куртки рацию.

Его слегка знобило, ладони вспотели, и во рту был какой-то металлический привкус.

«А ведь я, похоже, боюсь», – усмехнулся про себя Макс, глядя на деловито собирающегося «афганца». – «И не мудрено. Я ведь в первый раз добровольно и осознанно пускаюсь в смертельно опасное мероприятие». Макс улыбнулся, но глянув в зеркало и увидев кривой оскал на бледном сведенном судорогой лице, прекратил попытки играть в супермена.

– Время – безжалостно сказал Кирилл и они, взяв с собой сумку с припасами, спустились по лестнице к машине.

Возле рынка им удалось удачно припарковаться так, чтобы было видно пространство, где должна ив была произойти встреча.

В половине седьмого появился Миша в красной спортивной куртке. Он курил сигарету за сигаретой, суетливо шагая возле ларька. «Болты» появились только в четверть восьмого. Вальяжно переваливаясь, трое парней лет двадцати двух и один немного старше, выбрались из ярко красной «семерки», оставив за рулем салагу-водителя, и подошли к перепуганному коммерсанту. Трое были в рыжих кожаных куртках и кепках, а тот, что постарше – в длинном черном плаще с непокрытым ежиком черных волос.

В руках Кирилла материализовался армейский бинокль. Миша отчаянно жестикулировал, пытаясь что-то доказать своим собеседникам. «Рыжие» плевались и что-то орали, толкая его в грудь. «Черный» вдруг их остановил и, отведя Мишу на пару шагов и положив руку ему на плечо, стал спокойно ему что-то говорить. Миша покорно, как кающийся в своих грехах первоклашка, помахивал головой в знак согласия. Закончив свои поучения «черный» похлопал Мишу по плечу, потрепал за пухлую щеку и, вдруг, коротко и резко ударил его в живот. Миша сложился, как перочинный нож, и «черный» нанес ему сокрушительный удар локтем между лопаток. Миша упал, попытался встать, но получил носком ботинка по лицу и свалился уже окончательно, захлебываясь кровью из разбитых губ. «Черный» махнул рукой, делая знак остальным, и пошел к машине. Один из «рыжих», проходя мимо, пнул Мишу в живот, за что получил ласковый шлепок по затылку от «черного». Смеясь и переругиваясь, они дошли до машины, стащив по дороге горсть семечек у бабуськи, которая погрозила им вслед сухоньким кулачком. Никто из спящих вокруг людей не подошел к корчащемуся на грязном асфальте толстяку в красной куртке.

– Результат ясен? – спросил Кирилл, убирая бинокль от глаз.

– Похоже. Либо они дали ему еще денек, либо решили приговор привести в исполнение.

– Точно. В любом случае – наш ход.

– Одного я знаю. Того, что в плаще. Это Себастьян, второе лицо у «болтов». А остальные так, «молотки», – пояснил Кирилл, следуя за «семеркой» на почтительном расстоянии.

Слежку Кирилл вел профессионально, постоянно имея между собой и целью две-три посторонних машины, не высываясь, не рисуясь и не привлекая внимания. Он не нервничал, отставая от преследуемых на светофоре, уверенно их находил, срезая углы через проходные дворы, когда Макс отчаянно верещал: «Упустишь! Упустишь!»

Слежка затянулась до полуночи. Пришлось ждать, пока «болты» ужинали в ресторанчике. Потом ехать за ними через весь город, где они оставили одного из «рыжих» и посадили

двух длинноногих девчонок. Потом снова через весь город. Там Себастьян с обеими «козами» вышел, но через пять минут вернулся и кинул «рыжему» банку тушенки со словами: «Дай ей пожрать. Если сам спорешь – уши отрежу». «Рыжий» хохотнул и залез в тачку. Макс хлопнул в ладоши:

– Правильно едем.

Через десять минут «семерка» остановилась на окраине города, из нее вылез «рыжий», попрощался с водителем, и машина уехала. «Рыжий» прикурил и пошел в глубь каких-то служебных построек. Макс дернулся к выходу, но Кирилл его остановил.

– Сиди в машине. Я этому обучался, мне будет проще. Жди и не высовывайся. Меня по рации не вызывай – если она зашипит, меня тут же вычислят. А я тебе буду докладывать, когда смогу.

Кирилл натянул шапку-маску и растворился в темноте, без щелчка закрыв дверь.

Время для Макса тянулось не хуже турецкой жевательной резинки. Вздрагивая от каждого звука, Макс боялся закурить, чтобы не привлечь внимания. Через десять минут дрожь в коленях слегка унялась, и Макс настолько успокоился, что решил отогнать машину в кусты, которые в обилии росли на обочине. Не включая фар, очень медленно, чтобы не было слышно рокота форсированного движка «восьмерки», Макс откатился немного назад и, найдя проход между зарослями акации, въехал в коридор, образованный двумя рядами кустов.

Здесь он заглушил мотор и закурил. Никотин сделал свое дело, сузив сосуды, и сердце стало биться ровнее. Докурив, Макс вышел наружу, походил немного, совсем успокоившись, как вдруг щелкающий звук, послышавшийся со стороны машины, снова швырнул сердце в бешеный галоп. Макс присел и выхватил пистолет. Минуты три ему понадобились, чтобы сообразить, что так напугавший его звук ни что иное, как вызов по рации. Поняв это, Макс стремглав рванулся к машине, где оставил «уоки-токи».

– Макс, мать твою, куда ты пропал?! – послышалось в динамике, когда Макс нажал кнопку приема.

Олег застыл в растерянности. Кирилл строго-настрого запретил ему говорить по рации, но, с другой стороны, он явно требует ответа. Пока Макс решал эту дилемму, кусты раздвинулись, и в проход между ними, прямо перед машиной, вывалился человек с пистолетом и, кувыркнувшись по земле, подскочил к передней двери. Макс, чуть не завизжав, выхватил пистолет из-под мышки, но не рассчитал движения и ударился локтем об руль. Пистолет выпал, а вместо выстрела раздалось громоподобное «Би-и-ип!»

– Какого хрена! – ругнулся человек голосом Кирилла. – Куда тебя черти понесли?! А?!

Макс пытался оправдываться, но тем самым распалял Кирилла еще больше.

– Спрятался, говоришь?! А ты знаешь, что стоящая на обочине машина – это фигня, просто машина. А вот тачка в кустах – это уже спрятанная машина! Тем более, что тебя видно! Тачка-то белая. Шпионских фильмов насмотрелся? Мы же не в тылу врага, а в своем городе. Здесь прячущийся человек привлечет больше внимания, чем идущий по проезжей части центральной улицы!

Макс вспомнил, как с погашенными фарами переползал с дороги в кусты и почувствовал, как уши наливаются кровью и начинают пульсировать.

– Ну, блин! Штирлиц доморощенный! – выдал заключительный аккорд Кирилл и добавил уже миролюбиво. – Дай-ка закурить.

Макс, как армейский «дух», метнулся в машину и выскочил через секунду с пачкой «Кэмела», стибренной накануне у Миши.

Кирилл закурил, расслабившись, при этом Макс почти с удовольствием заметил, что его руки подрагивают.

– Их хата в двухстах метрах от дороги, – выдержав паузу, начал Кирилл. –

Здесь раньше была база, что-то вроде РСУ. Вот в сторожке они и расположились. Похоже, что их трое. Девчонку я не видел, но заметил, куда отнесли еду. Что думаешь?

– Как они располагаются? Что-нибудь вроде часового есть?

– Все в разведчиков играешь? Сидят все трое в сторожке, режутся в карты.

– Тогда можно сделать так. Подождем у входа. Рано или поздно кто-то выйдет. Уложим его, свяжем и спрячем. Его хватятся. Если повезет, то выйдет один, и мы с ним сделаем то же самое. Останется дожидаться третьего. В случае чего, мы и с двоими, думаю, справимся.

– План, конечно, не вот те что. Ведь прежде, чем искать пропавшего, они могут позвонить. Или еще что-нибудь. Ну, да ладно. За неимением лучшего... Пошли.

Спасатели, наскоро проверив снаряжение, скользнули в ночь. Пробравшись в дырку в заборе, они оказались в кустах. Прямо перед ними находилась кирпичная сторожка, но для того, чтобы попасть в неё, нужно было пробежать метров тридцать через ярко освещенный прожектором двор. Дверь в сторожку тоже была на свету.

– Вот и первая трудность, – прошептал Макс. – К двери не подобрешься.

– Надо подобраться к боковой стене – там темно. Они все внутри, но на всякий пожарный, давай пройдем там, – Кирилл кивнул на нагроможденные груды гранитных плит справа. То и дело ударяясь в темноте об острые углы, парни на карачках проползли к боковой стене сторожки.

– Где Лариса? – шепнул Макс.

– Комната, где они сидят, перегороджена. Вот во второй части она и сидит.

– Ладно, будем на это надеяться. Прожектор, падла, мешает. Вырубить бы его. Пошли к окошку, глянем, как там. Мне же нужно представление иметь о поле боя, – странное дело, Макс был почти спокоен и даже мог рассуждать и действовать.

Олег выглянул из-за угла и поморщился от яркого света. Выходить из спасительной тени ой как не хотелось, а когда он все же решился и, крадучись, переместился к освещенной стене, то сразу понял, что ощущает побелевший к зиме заяц в черном осеннем поле.

– Это называется «оказаться с голой жопой на морозе», – послышался сзади напряженный шепот Кирилла. Он чувствовал себя не лучше. Две черных фигуры двинулись вдоль белой кирпичной стены, залитой мертвенным светом.

Макс уже миновал дверь, до окна оставалось не больше метра, когда позади скрипнули дверные петли, и чужой сонный голос произнес:

– Какого черта...

Макс еще поворачивался, а голос уже сменился хрипом и бульканьем, от которого Макса бросило в дрожь, а давешний обед сделал попытку посмотреть, что творится снаружи. Кирилл удержал падающее тело за куртку и обтер об нее же нож. Из вспоротого горла жертвы струей хлестала кровь, заливая Кириллу левую руку до локтя. Остатки воздуха из легких кровавыми пузырями выходили из разорванной гортани. Макс понял, что если сию же секунду не случится что-нибудь, его просто вырвет.

Но это «что-то» случилось, причем именно сию же секунду.

С крыши стоящего рядом темного административного здания, на котором находился прожектор, грохнул... Нет – громыхнул, подобно ядерной бомбе, выстрел и стена возле самой головы Макса взорвалась сотнями мелких кирпичных осколков, больно ранив незащищенную часть лица в прорези маски. К счастью, Макс закрыл от яркого света глаза, иначе со зрением пришлось бы распрощаться.

Адреналин, как цунами, хлынул в кровь, обостряя чувства и ускоряя реакцию до невероятности. Мозг работал со скоростью хорошего компьютера, обрабатывая информацию и на ее основе отдавая приказы органам до того, как обладатель всего этого хозяйства даже успевал понять, что произошло.

Через долю секунды после выстрела Макс уже влетел в дверь. Следом за ним, отшвырнув тело первого бандита, туда же ввалился Кирилл уже с пистолетом в руке.

– Я его сниму! – крикнул он, а Макс уже подскакивал к двери в комнату.

Он не был ни спокоен, ни испуган. Просто на логическом уровне он даже не мог осознать, что он делает и как себя чувствует.

Дверь начала открываться и в проеме показалась чья-то фигура. Макс изо всей силы ударил ногой по двери, припечатав противника к косяку, потом рванул дверь на себя, и обрушил на переносицу своего визави страшный удар локтем, отбросив его в темноту коридора.

Врываясь в комнату, Макс почувствовал, что пистолет уже у него в руке, хотя он никак потом не мог понять, когда он успел его достать.

Два рэкетмена, находившиеся в комнате, не успели оказать достойного сопротивления. Видимо переход от бутылки водки и карточной игры к схватке с вооруженным противником был слишком неожиданным. Пистолет успел схватить только один из них. Ему Макс первому вlepил пулю в голову. Через секунду на пол повалился и второй с простреленным плечом. Макс крутнулся на пятках, осмотревшись, и бросился во вторую комнату. Там было темно, и Макс на какое-то время потерял ориентацию. Если бы в комнате кто-нибудь оказался, это кончилось бы для спасателя печально.

Та, ради кого затевалась вся операция, сидела в углу на кровати и испуганно глядела на Макса. Он успокаивающе улыбнулся ей, но тут же чертыхнулся и сдернул с головы шапку-маску.

– Олeжка... – всхлипнула Лариса и закрыла лицо ладонями. Макс поискал глазами выключатель и не нашел.

– Вставай, Ларек, – смущенно произнес Макс. – У нас очень мало времени. Девушка вскочила и бросилась Максy на грудь, рыдая в голос.

– Олeжка, миленький, я...я...Почему это? Я боюсь. Я думала, никто не придет. Они...

– Они тебя били?

– Нет, только вначале... Я испугалась... Мне было очень страшно... Я не хотела... но они... – Лариса снова расплакалась.

Только теперь Макс увидел ее разорванную блузку и поцарапанную щеку.

– Они тебя?.. – загораясь яростью, прошептал Макс.

Спасенная кивнула головой и, вдруг, вспомнив что-то, снова испугалась. – А Миша? Что с ним?

– С ним все нормально.

На улице последний раз громко шелкнул, как удар бича, выстрел из «Макара» и стало тихо. Через пару секунд по коридору потопали шаги, и в комнату влетел Кирилл с пистолетом. Макс вышел из темной комнаты, чтобы друг его с испугу не подстрелил.

– Я его снял, зараза. Чмырь вонючий. На хрена ему карабин дали, если его из пистолета снять можно? Тоже мне, бойцы... А ты тут, я смотрю, потрудился! – присвистнул Кирилл, глядя на лежащие на полу тела. – Здесь она?

– Здесь. Пошли, Ларек, – Макс накинул на девушку какую-то фуфайку. – Надо сруливать, шуму многовато было. А к тебе у меня будет пара вопросов, – он ткнул пальцем в сторону «дуэлянта». Кирилл смущенно крякнул:

– Оба готовы? – спросил он у выходящего Макса.

Лариса большими глазами смотрела на пятна крови на полу и непонятные бурые комки, которыми были залепаны стены. Макс подтолкнул ее к двери:

– Этот точно готов. А второй вряд ли. Я ему в плечо попал.

Летавший на полу «молоток» зашевелился, поднял голову и попытался что-то сказать, но прежде, чем первый звук слетел с его губ, Кирилл дважды нажал на курок и такое же бурое вещество брызнуло на пол.

Макс несколько секунд зачарованно смотрел, как мертвый судорожно дергает ногой. Когда он пришел в себя, Лариса блевала во дворе, поддерживаемая Кириллом. Макс сглотнул и побежал за ними.

– Давайте пошутее! Ночевать, что ли здесь будем? До тачки еще топать!

– На этой махнем. – Кирилл показал на новенький «Фольксваген».

На полном газу «Фолькс», под управлением Кирилла, протаранил железные ворота, которые, к счастью, были не заперты.

– Макс! – почти крикнул Кирилл. – Выпрыгивай, и в кусты. Через 10 минут спокойно выезжай и забирай нас возле моста.

– Я не понял твоей идеи, но надеюсь, что ты не прикалываешься, – с этими словами Макс открыл дверцу и на ходу вывалился из машины. Он несколько раз перекувыркнулся, отбив локоть, и сел на обочине, потирая больное место. Колеса «Фолькса» взметнули пыль, и машина вылетела на шоссе, едва не столкнувшись с черной «Волгой», потом нагло прошмыгнул перед носом встречного КАМАЗа, вылетела на обочину, до смерти испугав какую-то бабку-полуночицу, и понеслась вперед, виляя по дороге и натужно гудя движком. Макс недоуменно почесал в затылке и юркнул в кусты. Через десять минут он затушил сигарету и завел мотор «восьмерки». Убедившись, что вблизи никого нет, он вырулил на шоссе и поехал, не разгоняясь больше восьмидесяти километров в час. Через пару километров навстречу ему пронеслась, мигая огнями и завывая сиренами, целая кавалькада милицеских машин. В тот же момент защелкала рация.

– Кто там? – спросил Макс у рации.

– Дед Пыхто. Ты куда пропал?

– Через пять минут буду.

Метров за триста до моста, на обочине фары высветили голосующую парочку. Макс остановился, узнав своих друзей.

– Домой, к Мише, – скомандовал Кирилл, влезая на среднее сиденье. Лариса, как мышка, испуганно сжалась сзади.

– О'кей, – буркнул Макс. – А по дороге расскажешь, что за спектакль ты устроил.

– Все просто, как железный рубль. Куча народу видела бешеный «Фольксваген» вылетевший с базы, и никто не видел, а если видел, то не обратил внимания на скромную белую «восьмерку». А «Фолькс» через... – Кирилл посмотрел на часы. – ...шесть минут взорвется и исчезнут все следы. Догоняешь?

– Здорово ты придумал. Только просвети меня, салагу, что ты там говорил насчет трех лопухов, которые без охраны режутся в карты и хлещут водяру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.